

Мост Убийц

Автор:

[Артурос Перес-Реверте](#)

Мост Убийц

Артурос Перес-Реверте

Капитан Алатристе #7

Венеции нельзя доверять. Здесь за строгими фасадами скрываются роскошные покои, таверны берегут секреты от чутких ушей инквизиции, а за корсажем красавицы итальянки надежно спрятан острый кинжал. В этом городе чужака не обманут только старый клинок и верный друг. Но на сей раз вызов брошен гордости испанской короны и чести Диего Алатристе, поэтому на помощь капитану придет даже заклятый враг.

Артурос Перес-Реверте

Мост Убийц

Хорошие солдаты ценою собственной жизни продлевают жизнь отчизне. Неся тяготы и лишения, жизнь если и берегут, то лишь для того, чтобы в должную минуту поставить ее на карту, а смерть их производит шума не более чем удар, ее принесший. Стяжание доброй славы – вот единственная их цель. Заслужить себе славу они умеют, а воспевать ее – нет. Это дело тех, кто превзошел такое искусство. Красноречивое перо обязано даровать бессмертие пламенному клинку.

Хуан де Сабалета

Arturo Perez-Reverte

El Puente de los Asesinos

Copyright © 2011, Arturo Perez-Reverte

Copyright © 2011, Santillana Ediciones Generales, S.L.

© Богдановский А., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

I. Сталь и золото

Поединок шел в утренних сумерках, в робком сероватом свете, медленно наползавшем с востока. Островок был небольшой и совсем плоский. Оголенные отливом берега тонули в тумане, который оставила за собой ночь. И оттого сам этот клочок земли казался призрачным видением, частью то ли неба, а то ли воды. Из грузных темных туч на венецианскую лагуну сеялся мокрый снег. Очень холодно было в тот день – двадцать пятый день декабря в лето тысяча шестьсот двадцать седьмое.

– Рехнулись, – промолвил мавр Гурриато.

Укрытый моим мокрым плащом, он по-прежнему лежал на тронутой изморозью земле и сейчас слегка приподнялся на локте, чтобы следить за поединщиками. А я, недавно перевязавший ему рану в боку, стоял рядом с Себастьяном Копонсом и дрожмя дрожал в своем колете, который плохо спасал от стужи. Стоял и смотрел на то, как в двадцати шагах от нас двое мужчин, с непокрытыми, несмотря на сквернейшую погоду, головами и без колетов, дерутся на шпагах и кинжалах.

– Кого Бог решает погубить, того лишает разума, – процедил Гурриато сквозь зубы, стиснутые от боли.

Я не стал отвечать. Потому что, хоть и был вполне согласен, что поединок этот – чистая нелепость, порожденная нелепостью иной, самой обширной и кровавой из всего, что до сей поры выпадало нам на долю, ничего не мог поделать. И просьбы, и уговоры были тут заведомо бесполезны, дуэлянты пренебрегли той бросающейся в глаза очевидностью, что подвергают себя и нас всех опасности едва ли не смертельной – ничто не помогло удержать их от схватки на острове. На клочке земли, название которого, как по мерочке, годилось нашему нынешнему положению, смутному и зыбкому: Остров Скелетов – так именовалось это славное место, куда со своих переполненных кладбищ жители Венеции уже много лет перевозили останки давно почивших. И валялись они тут на каждом шагу. В мокрой траве, в грязи и в перекопанной земле – всюду; словом, куда ни бросишь взгляд, упадет он на кости и черепа.

Слышался только негромкий звон клинков. Отведя на миг глаза от дуэлянтов, я взглянул вдаль – туда, где на юге лагуна открывалась в Адриатику. И хотя дневной свет прибывал с каждой минутой и, соответственно, убывали наши шансы выжить, меня все же тешила надежда рано или поздно различить белое пятнышко на горизонте – парус корабля, посланного забрать нас отсюда и доставить в безопасное место, пока наши преследователи, которые в ярости рыщут по соседним островкам, не добрались до нашего, не накинулись на нас сворой бешеных псов. И, видит бог, для бешенства имелись у них мотивы, резоны и основания. Чудом, истинным чудом следовало признать уж и одно то, что мы с Гурриато-мавром, подколотым, но живым, находились здесь и дрожали от холода, наблюдая за капитаном Алатристе, который, нечего сказать, улучил минутку свести старые счеты. Нас на этом островке было пятеро – пятеро из тех немногих, что еще числились на этом свете: двое затеяли пляску с клинками, трое, как я уж сказал, наблюдали. А другие наши товарищи в эту самую минуту, невдалеке отсюда, были уже замучены и удушены в застенках Серениссимы[1 - *La serenissima* – официальный титул Венецианской Республики (ит.)], или болтались в петлях на Сан-Марко, или плыли по каналам, окрашивая воду кровью из ловко взрезанной глотки.

Все началось два месяца назад, в Неаполе, по возвращении с набегов на греческое побережье. После морского сражения с турками при Искандероне, где мы потеряли стольких товарищей и сами не раз оказывались на волосок от гибели, капитан Алатристе и я, его, можно сказать, оруженосец, наконец-то ставший настоящим солдатом и во весь опор мчавший к своему восемнадцатилетию, – некоторое время поправляли здоровье, тешили плоть и

возвеселяли дух в удовольствиях, на которые так богата древняя Партенопя, твердыня и оплот нашего владычества в Средиземноморье, истинный рай для всех испанцев, пребывающих в Италии. Сладостные досуги наши вышли недолги. Кабаки и притоны Чоррильо, по которым мы (тут особенно отличался папаши моего сынок) таскались без устали, развлечения и многообразные беспутства, столь щедро предоставляемые этим волшебным городом, в скором времени выгребли из и так не слишком тугой мошны все, что там было. И потому нам, мужам брани, не оставалось ничего иного, как снова пытаться счастья, искать заработка и, стало быть, подниматься по сходням. Отважная «Мулатка», потрепанная в бою у анатолийских берегов столь сильно, что еле-еле смогла дотащить до причала, отстаивалась в доке. И потому мы погрузились на сорокавосемивесельную галеру «Вирхен дель Росарио». К вящему разочарованию нашему, первый поход был не к островам Леванта, сулившим столь обильную добычу, но – к берегам Греции, в местность Брасо-де-Майна, куда надлежало доставить оружие и припасы для тамошних христиан, которые, засев в горах, перестреливались с турками, двести лет назад захватившими этот край.

Задание было незамысловатое, не сказать чтоб уж страх какое ответственное, а выгод и подавно не сулившее никаких: в Мессине поднять на борт сто аркебуз, триста копий, пятнадцать бочонков пороху, перевезти все это добро и потом тайно выгрузить в небольшой бухточке за мысом Матапан, которую греки называют Порто-Кайио, а испанцы – Пуэрто-Коалья. Мы все так и сделали, и все прошло гладко, а я получил возможность увидеть вблизи греков-маниотов, которые от житья на этой черствой, скудной и бесплодной земле сделались все, как на подбор, вороваты, туповаты, грубы и неотесанны так, что дальше некуда. Большие, надо сказать, упования и надежды возлагали эти люди, измученные турецкими зверствами, на испанского короля, справедливо почитая его могущественнейшим в свете властелином; однако государь наш Филипп IV на пару со своим министром графом-герцогом Оливаресом вовсе не желал из-за каких-то угнетенных греков ввязываться в войну – да еще на таком отдаленном театре, да притом с неясным исходом – против Оттоманской империи, которая мало того, что была в ту пору в полной силе, но и прекратила враждебные вылазки против нас в Средиземноморье. Возобновившиеся во Фландрии и в Европе боевые действия пожирала людей и деньги, а потому наши природные, исконные недруги – мятежные голландские провинции, равно как и Франция, Англия, Венеция и сам папа римский – были бы несказанно рады, если бы мы увязли в кампании на Востоке, оттягивающей силы и средства с европейского театра, где дряхлеющий испанский лев бился в одиночку против всех и благодаря золоту Индий и старой своей доблестной пехоте – порой даже не без

успеха. По всему по этому содействие наше обитателям Брасо-де-Майна, которые резали сборщиков пошлин, устраивали засады и тому подобное, можно, не покрывив душой, назвать символическим, – и мы, побуждая их спуску оттоманам не давать, не давали им и сами ничего, кроме туманных посулов да посылаемой время от времени скудной помощи вроде той, что «Вирхен дель Росарио» выгрузила в Пуэрто-Коалья. Спустя всего несколько лет случилось то, что и должно было случиться: турки потопили восстание в крови, а Испания предоставила маниотов их собственной печальной участи.

Так или иначе, но возвращались мы в Неаполь без приключений, при попутном ветре и потому уже через несколько дней увидели Везувий. Пришвартовались у большого причала возле маяка и внушительных черных башен Кастильнуово, и, когда начальство разрешило, сошли на берег, стряхивая с себя клопов по дороге в наше обиталище в квартале, так и называвшемся Испанским. Хотя после резни в бухте Искандерон мы с капитаном Алатристе снова сблизились и предали забвению кое-какие прежние размолвки, порожденные моей юношеской горячностью, которую правильней было бы назвать щенячьей запальчивостью, и – не в последнюю, по правде говоря, очередь – пороками, присущими солдатской жизни, тем не менее в нашу комнату на постоялом дворе Аны де Осорио я не вернулся и продолжал жить отдельно, в казармах на Монте-Кальварио. Это давало мне должную независимость и облегчало общение со сверстниками – с тем же Хайме Корреасом, например, остававшимся неизменным моим сотоварищем в Неаполе, как и во Фландрии, с которым по-прежнему были мы неразлейвода. И дружок мой, с каждым годом все сильнее приверженный проказам и проделкам, картам и костям, склонный усердно и рьяно служить Бахусу, безрассудно ввязывавшийся в любую переделку и потасовку, воздействие на меня оказывал не самое благотворное. Принадлежал он к числу тех, кто, как говорится, ангела божьего во грех введет, обморочит и опорочит. Тем не менее я был к нему очень привязан. И неразлучными друзьями шлялись мы по тавернам и кабакам – и не только по ним, и славные парнасские[2 - То есть из поэмы Сервантеса «Путешествия на Парнас» (1614).] вирши не менее славного дона Мигеля де Сервантеса, если чуточку их переиначить, будут в точности как про нас обоих писаны:

И молвил я себе: «Верны твои слова,

Неаполь предо мной, где я, бывало,

Бабенок шелушил не год, не два»[3 - Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихотворения в переводе А. Богдановского.].

И вот в то утро, когда с нашими солдатскими пожитками за спиной мы с капитаном в густой толпе прохожих, что заполняла улицы Испанского квартала, добрались наконец до постоянного двора, какой-то человек, явно поджидавший нас, отделился от стены и шагнул навстречу. Был он весь в черном, словно адвокат или чиновник, в узкополой шляпенке на голове; без шпаги. И с первого взгляда ясно становилось, что? это за птица – всем видом своим незнакомец отчетливо свидетельствовал о принадлежности к той стае зловещего воронья, которая неизменно сопровождает судей и инквизиторов и строчит без устали нечто такое, что в самом скором времени может сильно испортить человеку жизнь. Живя при капитане, едва ли не прежде всего прочего усвоил я непреложно, что меньше следует опасаться того, кто чистит ногти ножичком, годным и чтоб кошелек срезать, и кабанчика заколоть, а доведется – и человеку под ребро его сунуть; так вот, говорю, меньше надо опасаться такого душегуба, нежели особей этой породы, которые с помощью гусиного пера, чернильницы, листка бумаги и петлю тебе намылят, и в каталажку засадят, да и в могилу спровадят.

– Не ваша милость ли будет Диего Алатристе?

Спрошено было на чистом кастильском наречии, без малейшего намека на итальянский выговор. Мы с капитаном, не переставая жевать ломтики овечьего сыра, купленного в лавке по пути, воззрились на незнакомца с естественным недоверием. Одно дело, когда по прибытии твоей галеры в порт приветствует тебя товарищ, весело указуя на дверь ближайшего питейного заведения, и совсем другое – когда такая зловещая птица произносит твои имя и фамилию. Я заметил, как капитан весь подобрался, поставил баул на землю и заиндевелым своим взглядом окинул незнакомца с головы до ног.

– Ну а если и моя, то что?

– Мне дано поручение сопроводить вашу милость в некое место.

Затененное широким полем шляпы, посмуглевшее под греческим солнцем орлиное лицо моего бывшего хозяина закаменело. Левая рука, словно невзначай, тронула наверх эфеса.

– Куда?

Субъект покосился на меня с сомнением, покуда я быстро соображал, что все это значит. Отбросил вздорную мысль, что за приглашением маячит камера в тюрьме Сантьяго или Викария. Всякий, кто слышал имя Диего Алатристе – и, стало быть, понимал, с кем имеет дело, – никогда в жизни не поручил бы кому-то в одиночку приглашать капитана туда, куда он идти не желает. Для такого дела следовало отрядить никак не меньше шести стражников, обвешанных всяким железом, словно витрина оружейной лавки.

– Приглашение относится только к вашей милости, – ответил меж тем человек в черном.

– Куда, я спрашиваю? – повторил Алатристе бесстрастно.

Повисло молчание. Посланный уже не чувствовал себя так уверенно, как раньше. Он метнул на меня еще один быстрый взгляд, а уж потом посмотрел в льдистые глаза, наблюдавшие за ним из-под шляпы.

– В Пьедигротту. Вас хотят видеть.

– Это что, по службе?

– Некоторым образом.

С этими словами он извлек из кармана вдвое сложенный засургученный лист и подал его капитану. Тот сломал печать, развернул, глянул – и я, отступивший чуть в сторону, чтобы не показаться нескромным, хоть мне до смерти хотелось сунуть нос, увидел, как он двумя пальцами пригладил усы. Потом свернул бумагу, сунул ее в поясную суму-фельтрикету и на миг задумался. И вслед за тем обернулся ко мне:

– Скоро вернусь, Иньиго.

Я разочарованно кивнул. По тону его понятно было, что говорить больше не о чем. Молча поклонился, взвалил на плечо баул и двинулся по склону вверх в сторону Монте-Кальварио, в казарму, где вместе с Хайме Корреасом и другими жил и Айша Бен-Гурриат или, как мы все его называли, – Гурриато-мавр: моготас, после набега на Оран завербовавшийся в испанскую пехоту. Человек

весьма своеобразный, примечательный и опасный, но питавший искреннюю привязанность к Алатристе. Хотя за то время, что мы корсарили на «Мулатке», он в полной мере доказал нам свою беззаветную, как принято говорить, преданность, доселе оставалось для меня тайной, что? таилось на дне его души, что? скрывалось за тем стоически бестрепетным спокойствием, с каким он глядел в лицо смерти или оценивал поступки людей. Добавлю, раз уж упомянул об этом, что здесь, в Неаполе, выбыл из нашего дружеского круга капитан Алонсо де Контрерас, назначенный в это время губернатором в Пантеларию, но по-прежнему входил в него араговец Себастьян Копонс, который не ушел с нами на «Вирхен дель Росарио», потому что служил капралом в гарнизоне крепости Дель-Уэво. Несколько дней погостил у нас и мимоездом оказавшийся в Неаполе Лопито де Вега, сын великого Лопе, уже произведенный к этому времени в первый офицерский чин. Мы рады были повидаться с этим отважным малым, хоть к радости нашей и примешивалась печаль его совсем недавнего вдовства: юная Лаура Москатель, настигнутая гнилой горячкой, умерла вскоре после свадьбы. Сын Испанского Феникса еще появится на страницах этой книги, так что речь о нем впереди.

Диего Алатристе вылез из кареты и недоверчиво огляделся. Он давно уж вменил себе в закон, святой и нерушимый, непременно определять, оказываясь в незнакомом или подозрительном месте, как выбираться из него в том случае, если события примут неблагоприятный оборот. Записка, приказывавшая ему следовать за подателем сего, человеком в черном, была подписана доном Эстебаном Эспинаром, командиром Неаполитанской бригады, и тон ее не предполагал возражений или, тем паче, ослушания, но более ничего не проясняла. И потому, прежде чем направиться к трехэтажному зданию, возвышавшемуся по правой стороне улицы Пьедигротта, почти у самого берега, капитан оглядел окрестности. Место было ему знакомо – испанцы часто устраивали в этом квартале свои празднества и пирушки. Здесь, у подножия Посиллипо, за купами деревьев имелось несколько славных трактиров; Торрета стояла на другой стороне, а церковь Санта-Мария – на этой, в конце улицы, рядом со входом в древнюю знаменитую пещеру, еще в античные времена давшую название этому месту. А в это время суток было оно почти безлюдно: несколько женщин с кувшинами возвращались от недалекого ручья, да под сине-белым полотняным навесом на углу улицы Сан-Антонио сидел холодный сапожник.

– Прошу вашу милость следовать за мной.

Почти все ставни в доме были затворены. Сдвоенное гулкое эхо шагов – слышнее, разумеется, стучали сапоги Алатристе – уходило, казалось, куда-то в бесконечность. Внутри было душно и полутемно; вдоль стен с облупившейся росписью – остатками бывшего великолепия – как попало стояла старая мебель. С первого этажа лестница вела в широкий и длинный коридор с дверями по обе стороны, а тот переходил в залитый солнцем зал. Это было единственное пригодное для жизни помещение – по стенам висели картины, каменные плиты пола покрывал восточный ковер с замысловатым орнаментом. Перед большим нерастопленным камином стояли четыре стула и заваленный книгами и бумагами письменный стол, а на нем – бронзовый пятисвечник, бутылка вина, два резных хрустальных бокала. У окна, за которым в отдалении высились башни Мерджеллины и колокольня собора Санта-Мария-дель-Парто, беседовали двое мужчин, окутанные столь ослепительным светом с улицы, что различить можно было только контуры их фигур.

– Разрешите, ваша светлость?

С этими словами спутник Алатристе остановился на пороге и снял шляпу. То же сделал и капитан, когда один из двоих силуэтов, вырисовывавшихся на сияющем фоне, повернулся, приблизился и предстал кабальеро средних лет приятной наружности, подчеркнутой нарядным костюмом. Лицо его было незнакомо Алатристе, от внимания которого не укрылось ни титулование, ни золотой эфес висевшей на бедре шпаги, ни изумрудные пуговицы на бархатном лиловом колете с вышитым на груди крестом ордена Калатравы. Курчавая голова была коротко острижена, усы и узкая остrokонечная борода уже сильно серебрились сединой. Заложив руки за спину, человек этот довольно продолжительное время стоял неподвижно и рассматривал вошедшего.

– Опаздываете, – произнес он наконец.

Сказано было брюзгливо и высокомерно. Подумав мгновение, Алатристе пожал плечами:

– Путь неблизкий.

– От порта?

– От берегов Греции. – И, не моргнув глазом в кратчайшей паузе, добавил: –
Ваша светлость.

Тот сморщил лоб. Бросалось в глаза, что он не привык к такому тону, однако Алатристе до того не было ни малейшего дела. Отрекомендуйся, назови свое имя и звание, говорил он про себя, не разжимая губ, и я подмету перед тобой пол перьями шляпы. Я слишком устал и не собираюсь играть здесь в угадайки, вместо того чтобы сидеть на постоялом дворе в лохани с горячей водой да отскрести с себя соль и грязь. Что с того, что совершенно неведомый мне хмырь обратился к тебе «ваша светлость»: мне ничего это не говорит и никак меня не трогает.

– Нам донесли, что ваша галера ошвартовалась на рассвете, – резко заметил кабальеро.

Алатристе снова пожал плечами. Все это, возможно, его позабавило бы, если бы он не поглядывал время от времени на окутанную светом вторую неподвижную фигуру у окна. Этот человек хранил молчание, и оно начинало тревожить капитана. Пастухам – ужин, вспомнилось ему, а барашку – вертел. В этом случае барашком быть выпало ему.

– Солдат сходит на берег не когда вздумается, а когда прикажут.

Кабальеро взирал на него молча и критически. Алатристе чувствовал, что тот остановил взгляд на шрамах, пересекавших лицо и руки, на исцарапанной, в зазубринах и вмятинах, чашке его шпаги. И вслед за тем эта светлость – кто бы он ни был – очень медленно покачал головой. Медленно и задумчиво.

– Ну, вот он перед вами, – промолвил он наконец, полуобернувшись к человеку у окна.

Тот шевельнулся, шагнул вперед, и когда ослепляющий блеск соскользнул с его головы и плеч, открывая лицо, Алатристе узнал дона Франсиско де Кеведо.

– ...Венеция, – завершил Кеведо.

Он говорил довольно долго, и никто его не перебивал. Кабальеро стоял молча, облокотившись о каминную доску в изящно-непринужденной позе: в одной руке – бокал вина, другая уперта в бок, на эфес шпаги. Он был явно чем-то недоволен и не спускал глаз с солдата, застывшего посреди зала.

– Есть вопросы?

Диего Алатристе слегка повернул к нему голову, продолжая раздумывать над только что услышанным:

– Есть. И много.

– Задавайте по одному.

Капитан покосился на дона Франсиско. Поэт кивнул со своим обычным дружелюбием, как будто лишь накануне в харчевне «У Турка» они усидели вдвоем бутылку «Сан-Мартин-де-Вальдеиглесиас». Серьезный предмет разговора никак не отразился на его доброжелательности.

– А почему именно вы, дон Франсиско?

Улыбка стала заметней. За то время, что они с капитаном не виделись, у поэта прибавилось седины, явственней проступили следы усталости. Неудивительно, впрочем: он проделал долгий и трудный путь – из Мадрида в Картахену, а оттуда морем в Неаполь. Да и протекшие годы, как видно, не прошли ему даром. Как и всем нам.

– Потому что приехал сюда в пятнадцатый раз. Я ведь был близок с покойным доном Педро Тельесом Хироном, герцогом Осуной... И кое-что изучил здесь. Ну а благодаря моему теперешнему положению, при дворе вспомнили о моих былых заслугах и услугах. О моем опыте. О полезных связях. И когда возникла надобность решить деликатное дело, меня призвали. Дело важное и тайное.

Да уж, конечно, подумал Алатристе, как же иначе. Очень важное и очень тайное: как же при сей счастливой okazji не обратиться к посредству дона Франсиско? Все знали, в каких тесных и дружеских отношениях состоял поэт со злосчастливым герцогом Осуной, будучи его советником и исполняя его дипломатические

поручения, когда тот, вице-король Испании в Сицилии и потом в Неаполе, был острием испанского копья в Средиземноморье, неутомимым гонителем турок и венецианцев. Когда же герцог впал сначала в немилость, а потом в ничтожество – чему немало споспешествовали и завистники при дворе, и золото Серениссимы, – его опала рикошетом ударила и по Кеведо, которому не сразу удалось вернуть себе бывшее влияние; и снова в фавор он попал благодаря близости с окружением королевы Изабеллы и своему смертоносно-острому перу, в котором не менее остро нуждался сейчас граф-герцог Оливарес.

– Север Италии – это ключ, дорогой мой капитан, – продолжал тем временем Кеведо. – Ключ ко всему и для всех – для Испании, для Франции, Савойи, Венеции. Нам необходимо удерживать собственный и надежный путь, чтобы по суше перебрасывать войска из Ломбардии во Фландрию. Французов по-прежнему снедает зависть от того, что мы присутствуем в Милане. Савойе не дает покоя Монферрато, неизбывный предмет их алчности. Венецианцы разевают пасть на Фриули, мечтая оттяпать тамошние порты, ныне принадлежащие императору.

Он подошел к столу, где в прямоугольном пятне света из окна лежала среди бумаг карта Апеннинского полуострова. Поднял на нос очки, болтавшиеся на шнуре, продетом в петлю на черном колете, и пальцы его пробежались снизу вверх по сапогу между Адриатическим и Тирренским морями: на юге нашей короне принадлежали обширные владения в Сицилии и Неаполе, на севере – Милан, и это не считая острова Сардиния, прибрежных тосканских крепостей, области Финале в Лигурии и форта Фуэнтес в предгорье Альп. Как видите, весьма внушительный конгломерат земель собрался под нашим владычеством, и сопротивляться ему могли только три итальянских государства – Папская область, Савойя и Венеция.

– Венеция... Морская потаскуха, лицемерная и бесстыжая...

Палец дона Франсиско уперся в завиток, тянувшийся на севере полуострова от Адриатического залива до испанских владений Миланского герцогства. Поэт произносил слова отрывисто, будто сплевывал их, и Алатристе знал почему: ни для кого – а для Кеведо уж подавно – не было тайной, что несчастьем своим герцог Осуна был обязан не только козням придворных завистников, но и казне Серениссимы.

– Республика захребетников, аристократия торгашей... – продолжал дон Франсиско. – Только и знает, что пакостит всем вокруг, и этим живет. С теми государями, которых боится, вступает в союз, чтобы потом исподтишка вернее погубить их. Победоносный мир чаще снискивает себе в войнах, куда втягивает своих друзей, чем в тех, что ведет с врагами. Ее послы шпионят и сеют смуту, ее золото подстрекает к мятежам и возмущениям. Ее подданные поклоняются только Мамоне и исповедуют религию корысти. Она позволяет открывать у себя школы, где проповедуют ересь Кальвина и Лютера. Армии она берет в аренду, побеждает не в сражениях, а в купле-продаже. Распутная девка, как я уже сказал, шлюха, которая телом своим платит тем, кто ее защищает, а в сутенерах держит французов и савояров. И так было всегда. Сразу после битвы при Лепанто, когда Рим, Испания и вся Европа свято блюли подписанные договоры, эта гнусная блудная лисица поспешила заключить тайный пакт с турками.

Дон Франсиско по обыкновению красноречив, но на этот раз как-то очень уж книжному, отметил капитан. Инвективы его казались несколько чрезмерны даже для такого давнего и убежденного врага Венеции, каков был его друг. Создавалось впечатление, будто он декламирует на память какие-то свои недавние опусы, написанные к вящему удовольствию графа-герцога. И Алатристе понял причину этого, покосившись на второго кабальеро, который по-прежнему стоял, опершись на камин, и внимал речам Кеведо с явным одобрением: поэт излагал официальную версию готовящихся событий. Оправдание завязывающейся интриге, которое впоследствии наверняка будет предано гласности. И капитан, с полным основанием могший считать себя как стреляным воробьем, так и пуганой вороной, ощутил холодок тревоги и спросил себя, какая же часть интриги – наверняка не самая легкая и не щедрее всего оплаченная – выпадет на его долю?

– Мерзостные венецианские республиканцы, – продолжал Кеведо, – устремляют все свои помыслы на Адриатику и называют залив своим. Рядясь в тогу защитников Италии и христианской веры, они твердят, что должны владеть этим морем ради того, чтобы очистить его от корсаров, а меж тем допускают плавать по нему в свое удовольствие безбожных еретиков-голландцев, нехристей-турок и басурман-мавров, то есть всех злейших врагов святой католической веры...

Он вдруг замолчал, словно исчерпав свои доводы. Наморщил чело, припоминая, не позабыл ли чего. Очки свалились с кончика носа и повисли на шнурке. Потом дон Франсиско взглянул на кабальеро у камина, наполнил второй бокал и выпил его единым духом, не отрываясь, как бы желая размочить ссохшиеся слова.

Человек в лиловом колете отошел от камина, приблизился к столу и задумчиво воззрился на карту Италии. Рука его при этом была по-прежнему уперта в бедро, а игравшая на губах улыбка показалась Алатристе странноватой. Так улыбается банкомет, тасуя подмененную колоду, где червей, к примеру, больше, чем в тухлой туше.

- Ничего, - сказал он, - мы им дадим урок.

- Дадим окорот мерзавцам! - молодецки отрубил поэт и, прищелкнув языком, поставил пустой бокал на бумаги.

Стало быть, речь об этом, понял Алатристе и снова внутренне содрогнулся. Не первый год жил он на свете и теперь уже догадывался, какую кашу собираются здесь заваривать.

- Нечто вроде того заговора, что был девять лет назад? - отважился он задать вопрос и тотчас замер в бесстрастном ожидании.

Кабальеро скользнул по нему взглядом - поначалу надменным, а потом задумчивым. Но, вероятно все же, и он, и Кеведо сочли, что в подобных обстоятельствах подобная любознательность уместна. И заслуживает утоления.

- Да не было никакого заговора, - ответил он с вальяжным спокойствием. - Или, по крайней мере, все было не так, как болтают. Можете мне поверить - я, как и дон Франсиско, был в те дни рядом с герцогом Осуной... В восемнадцатом году венецианцы, встревоженные ропотом и брожением в своем наемном войске, состоявшем из всякого рода бродяг, авантюристов, воря, корсаров и прочего сброда, уже готового взбунтоваться из-за того, что им не платили жалованья, решили, так сказать, опорожнить свои выгребные ямы. А как предлог использовать Испанию... Статочное ли дело, чтобы двое корсаров, один старый пьяница и еще кучка проходимцев без роду, без племени, без средств и возможностей могла устроить переворот и свалить республику?

Он замолчал, переведя взгляд на Кеведо, а потом - опять на Алатристе. Молчание затягивалось так, что капитан счел нужным наконец разверзнуть уста. Тем более что его собеседники явно ждали этого.

- Да-а, сомнительно, - сказал он.

Сказал не очень уверенно, но кабальеро, судя по всему, одобрил ответ. Полуобернулся к Кеведо, распустил бородку с таким видом, словно они оба сию минуту к вящему своему удовлетворению выбрались наконец из трясины на твердую почву. Представить дело как заговор, объяснил он уже более любезным тоном, было просто перлом венецианского хитроумия. Раз-раз – и разразился скандал – и не стало больше в Италии того триумvirата, который и поддерживал там цвета Кастилии: из Венеции исчез посол Бедмар, из Милана – маркиз де Вильяфранка, из Неаполя – герцог Осуна. Сего последнего мало того, что обесчестили и опозорили, но и отдали под суд, и в итоге он умер в заключении. После этого восторжествовала политика Совета Десяти: едва лишь Осуну удалили из Италии, Серениссима снюхалась с турками, упрочила дружеские связи с Савойей и Пьемонтом, снова разожгла войну в Вальтеллине[4 - Вальтеллина – долина в Италии на севере Ломбардии, на границе со Швейцарией, у подножия Бернинских Альп.], а два года назад сколотила Авиньонскую Лигу – этот противоестественный союз может объясняться только тем ужасом, который внушала Испания всем его членам. Папа римский, Франция, Англия, Дания, Голландия, Савойя и протестантские княжества Германии сплотились ради гибели католической монархии и падения Габсбургского дома.

– Испанский двор с опозданием понял, какую ошибку совершил, – продолжал вельможа. – Наш государь и император Фердинанд совсем уж было собрались двинуть в Венецию войска, но тут война во Фландрии и в Европе оттянула на себя наши силы. Начинать кампанию на севере Италии сейчас никак нельзя. Однако можно ведь и по-иному привести дела в порядок, сделать то, чего не сделали девять лет назад. Но только на этот раз – не понарошку. А взаправду.

Алатристе силился уразуметь сказанное. Более всего смущал доверительный тон, каким с ним говорили. Так, по-свойски, как к равному, обращаются к тому, с кем обтяпывают общее дело. Дон Франсиско и незнакомец сейчас смотрели на него, как два бульдога – на лакомую мозговую кость. Капитан и сам невольно сглотнул и подумал в сердцах, что его в очередной раз втравливают в какую-то гадостную историю.

– Второй заговор? – снова отважился он на вопрос.

Кабальеро воздел указательный перст – предостерегающе, но не сурово. И от этого общепонятного жеста капитану стало не по себе пуше прежнего.

– Я ведь вам сказал, что первого никогда и не было. Ловкий фортель венецианцев. Это они повсеместно распространяли рассказы о заговоре. А теперь все будет по-настоящему.

– Я тут с какого боку?

Дон Франсиско де Кеведо с ласковой улыбкой – вполне искренней, можно не сомневаться, вполне – взял со стола пустой бокал, налил вина и протянул Диего Алатристе. Тот подержал его в руке и после краткой заминки смочил усы, не спуская при этом глаз с креста ордена Калатравы, блестящего у незнакомца на левой стороне груди. То, что ему поднесли вина, пугало больше, чем беседа всухомятку.

И ему припомнилась старинная поговорка, утверждавшая, что солдат вино получит, когда его отдрючат. Уже или вот-вот.

– Царица небесная, Иньиго! Тебя и не узнать! Был дитя, а стал детина!

Я счастлив был снова увидеть дона Франсиско де Кеведо. Минуло уже полтора года со времени нашей последней встречи, когда мы распрощались с ним после достославной истории с желтым колетом, едва не стоившей жизни нашему государю на охоте в Эскориале.

– Хорош! Молод и хорош! Видный, статный, бравый! Не то что мы с вами, дорогой капитан... Мы-то помаленьку начинаем выглядеть на свои годы.

Это была его обычная ласковая шутливость. По счастью, воротилась прежняя наша близость. И мы отмечали встречу за ужином в остерии на Пиццофальконе, сидя в беседке, увитой засохшей лозой, под парусиновым навесом, защищавшим от буйного великолепия неаполитанского солнца: а подаваемое нам угощение – цукини с маслом и уксусом, жареные голуби, жаркое из козленка – очень щедро орошалось греческим и лакрима-кристи. Расстилавшийся перед нами вид поражал воображение – нестерпимо-синее море с белевшими там и сям парусами, темный, окутанный дымком склон отдаленного Везувия и простершийся у наших ног в предгорье волшебный Неаполь. Галеры и парусники в порту, слева – Кастильнуово и дворец вице-короля, за спиной – внушительная громада замка Сан-Эльмо, справа – побережье Chiaia с протяженной линией

особняков и дворцов и прекрасным пляжем, который по дуге уходил к Мерджелине и зеленеющим вершинам Посиллипо.

– Я так полагаю, без Иньиго не обойдется.

Дон Франсиско произнес эти слова как бы между прочим – между двумя глотками вина, я хочу сказать, – но краем глаза наблюдая за капитаном Алатристе. Я заметил, что и тот бросил на меня короткий выжидательный взгляд. Потом откинулся на спинку стула – колет расстегнут, рубашка на груди распахнута – и уставился куда-то в синий горизонт, примерно в ту точку, где вдалеке смутно виднелся остров Капри.

– От него зависит, – сказал он.

О деле Кеведо рассказал бегло, в подробности не вдаваясь и не слишком отвлекаясь от голубей. Устроить под Рождество переворот в Венеции. Свести счеты с этими пожирателями печени в луковом соусе, переменчивыми и неверными, как гулящие девки. Всякие мелочи он обговорит со мной и с капитаном попозже, в свое время. В том, разумеется, случае, если я, фигурально выражаясь, попрошу у банкомета карту, благо колода уже распечатана.

– От тебя зависит, – эхом отозвался Кеведо, глядя мне прямо в глаза.

Я пожал плечами. Жизнь рядом с капитаном Алатристе, Мадрид, Фландрия, Средиземноморье сделали меня таким, каков я был, – проворный и ловкий парень с крепкими руками и зорким глазом; научили не терять головы, когда приходит минута обнажить клинок; преподали высокое искусство умерщвления человека. Накопился у меня кое-какой опыт, и возраста я достиг подходящего, чтобы принимать решения.

– С капитаном, – воскликнул я, – хоть к черту на рога!

Прозвучало как залихватская похвальба какого-нибудь уличного задиры, а если бы я добавил что-то вроде «вот и весь мой сказ», то и совсем бы вышел волонтер, только что вступивший в службу и куражащийся за бутылкой. Но я к тому времени был уже не тот дерзкий и драчливый юнец, вспыльчивый, как порох, или, вернее, как истый баск, донельзя щепетильный во всем, что касается репутации и чести, и всегда готовый заявить об этом во всеуслышание; ибо

хорошо известно, что избыток юного пыла часто возмещает ущерб, причиненный нехваткой благоразумия.

– Ну да, – заметил дон Франсиско, – тебе ведь не впервой.

И с мягкой насмешливостью улыбнулся моей по-львиному свирепой решимости. Я, впрочем, не обиделся нимало, ибо он тысячу раз доказывал свое безусловное и великодушное расположение ко мне. Капитан Алатристе же чуть округлил глаза, все так же неотрывно устремленные туда, где по синему пространству моря шла с востока галера – шла на веслах, убрав паруса, и потому издали походил на сороконожку.

– Замысел в том, – сказал Кеведо, понизив голос, хотя мы были одни, – чтобы отправленные нами надежные люди малыми группами, скрытно, постепенно просачивались в город. Одни доберутся из Милана по суше, другие придут морем. Все должны быть готовы действовать в указанный день и час.

– Испанцы?

– Не только. Можно будет рассчитывать на далматинцев и немцев из числа наемных солдат венецианской службы... Их начальники получают недурные деньги за это. Будут там и подданные Серениссимы.

Дон Франсиско снова хлебнул лакрима-кристи, которого, к слову сказать, мы втроем оприходовали почти полторы асумбре[5 - Асумбре (azumbre, исп.) – мера емкости, равная приблизительно 2,6 л.]. И я отметил, что с годами поэт не меняет ни склонностей своих, ни привычек, оставшись таким же рьяным винопийцей, каким был в Мадриде. Дон Франсиско любил выпить – все равно, на радостях или с горя, – хотя, конечно, за капитаном Алатристе, у которого, казалось, не утроба, а губка, ему было не угнаться. В ту пору, впрочем, судьба благоприятствовала поэту, и повод был радостный, и зримой приметой того, что солнце выглянуло из-за туч и пришли тучные годы благоденствия и достатка, рядышком на стуле лежала аккуратно свернутая обновка – черный бархатный плащ с шелковыми отворотами. Недавняя кончина богатой тетки – доньи Маргариты Кеведо – вкупе с милостями графа-герцога Оливареса и ее величества королевы вознесли нашего поэта на вершину преуспевания. На олимпе политическом и пиитическом пребывал он и раньше.

– Недели через две губернатор Милана, – продолжал дон Франсиско, – начнет размещать войска на границе с Венецией, с тем чтобы в случае надобности через Брешию, Верону и Падую двинуть их на помощь. Одновременно десять галер под австрийским флагом, взяв на борт испанскую пехоту – Неаполитанскую и Сицилийскую бригады, – перекроют выход в Адриатику под тем официальным предлогом, что направляются в какой-нибудь имперский порт.

– Декабрь – не лучшее время для галер, – возразил я.

– Для этих – годится. А для нашего дела любое время года подойдет.

– А чего вы ждете от нас?

– В свое время все узнаешь. – Дон Франсиско взглянул на моего хозяина, по-прежнему созерцавшего море. – Но вам, капитан, отводится важнейшая роль. Важнейшая и секретнейшая. Расскажу по дороге... Путешествие пройдет в два этапа – Рим и Милан. На первом я буду вас сопровождать, а потом передам в надежные руки и пожелаю удачи.

Капитан Алатристе, откинувшись на спинку стула, оставался все так же безучастен и неподвижен. От сияющего дня, от блеска воды под солнцем устремленные в неведомую даль глаза на посмуглевшем орлиноносом лице казались еще светлее, чем обычно, и приобрели прозрачно-зеленоватый оттенок.

– Вот не думал, дон Франсиско, что будете ворочать делами такого калибра.

Я сказал это задумчиво, не глядя на поэта. А тот улыбнулся и ответил, что и сам не предполагал ничего подобного, но ведь от теней прошлого никому не дано избавиться. Граф-герцог, хорошо осведомленный об итальянском прошлом Кеведо, потребовал сослужить ему эту службу и дал понять, что отказа не примет. Это было вполне в духе и стиле Оливареса, привыкшего решать все единым волевым усилием, а решения – осуществлять железной рукой. Кроме того, в заговоре состояли люди, которых дон Франсиско хорошо знал, – посол Испании в Риме был его близким приятелем, с губернатором Милана он с незапамятных времен водил тесную дружбу, а с той поры, когда состоял при герцоге Осуне, сохранил и бесценный архив, и полезные связи. А тот кабальеро, с которым мы видели его на Виа Пьедегрутта, – это ни больше ни меньше как дон Васкес де ла Корунья, маркиз де лос Марискалес, давний друг Кеведо и

правая рука вице-короля Неаполя. Так что уклониться от предложения Оливареса не было решительно никакой возможности.

– Так что, – повторил Кеведо, – нынешнее мое положение при дворе обязывает. Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, как сказал апостол Павел... Да, впрочем, я бы в любом случае не отказался. Покойный Осуна был мне другом, и я никогда не забуду, какую роль сыграла Венеция в его падении. Он не желал сносить заносчивость и наглость этих торговцев, не собирался смиряться ни с их упорным противодействием нашему присутствию в Адриатике, ни с тем, как мало у них веры и как много – бесстыдства... Мы с ними враги, и вот пришел час встретиться на узкой дорожке.

Капитан Алатристе оторвался наконец от созерцания пейзажа. Перевел глаза на свою шпагу, прислоненную к стулу, на котором лежали плащи дон Франсиско, его собственный и мой. Блестела под солнцем старая чашка, исцарапанная чужими клинками.

– Я покуда еще все же не знаю, какую роль вы отводите мне.

– В этой затее – несколько клавиш, и каждая будет нажата в свой черед. Вам, капитан, предназначена одна из них – и далеко не маловажная.

Алатристе понес было к губам стакан, но на полдороге придержал руку.

– Людей убивать, я так понимаю? И в немалом количестве?

Дон Франсиско едва ли не весело прижмурил глаз:

– Правильно понимаете. А также – жечь, громить, крушить и рушить. Отряд, который решено отдать вам под начало, будет взаимодействовать с другими. И каждый получит свою особую задачу.

Капитан слегка кивнул, выпил и налил еще.

– И что за люди пойдут со мной?

– Ну, первого добровольца вы только что слышали. – Поэт заговорщически подмигнул мне. – С вами, говорит, хоть в преисподнюю.

– Отбирать буду я сам?

– Да это необязательно, друг мой... Но, насколько я вас знаю, вам будет уютней и спокойней, если возьмете нескольких старых товарищей. Я уже уведомил об этом. И вы можете составить небольшой список – если хотите, разумеется. Вояк, лично известных вам и пользующихся вашим доверием. Как водится, тяжелых на руку и таких, кто язык будет держать на привязи, даже когда самого привяжут к кобыле... Людей, знающих, что клинок – это сталь, а молчание – золото.

Мы с капитаном переглянулись. Танцоры мы были опытные и умелые и, что называется, скользить и без мыла умели.

– А если что пойдет не так? В Венеции нас, испанцев, и так-то терпеть не могут, а после этого дела едва ли полюбят сильнее...

– Все будет хорошо.

– Ну да, ну да... И все же хотелось бы знать: предусмотрен ли выход, вернее, более или менее надежный путь отхода?

– Думаю, да.

– А ничего существенней ваших дум, дон Франсиско, предложить не можете?

– Всем вертит и распоряжается губернатор Милана. Подробности – его дело.

Хотя лицо капитана оставалось непроницаемо-бесстрастным, изменившееся выражение глаз все же выдало его мысли: не губернатору Милана придется тесно общаться с разъяренными гражданами Венеции, о которой доподлинно известно, что там шпионы и иностранные лазутчики имеют обыкновение умирать молча, без приговора суда, без шума – а просто – были и нет, только их и видели. Поняв ход его мыслей, дон Франсиско постарался внести некое успокоение:

– Я никогда бы не втравил вас в это предприятие, если бы считал его гибельным.

Я-то в этом не сомневался, но капитан, судя по его виду, моей уверенности не разделял. Жизнь научила его, что своекорыстие, необходимость или слепая приверженность каким-то идеям вполне способны запорошить глаза даже самым верным и преданным. И люди – даже самые порядочные – в конце концов видят лишь то, что хотят видеть.

– И заплатят, вероятно?

Поэт перевел дух. Говорить о деньгах было не в пример легче.

– Заплатят?! Еще бы! Можете не сомневаться! Восемьдесят эскудо в месяц – командирам и полсотни – рядовым бойцам. Не говоря уж о том, какие лестные строки будут вписаны в ваши аттестаты. Особенно это касается Иньиго. По окончании дела он непременно будет зачислен в корпус королевских курьеров и принят ко двору. Сама королева его отрекомендует.

Я видел, как при упоминании послужного списка у Алатристе встопорщился ус. Мой бывший хозяин предостаточно навидался, как мертвым грузом, ненужным бумажным хламом лежат они в сундучках отставных солдат, как трясут ими на папертях всей Испании бездомные, увечные воины. Однако же для меня, юнца годами, пусть и повидавшего всякие виды на своем очень недолгом веку и в досталь повоевавшего, слова эти прозвучали совсем иначе. И приятно пощекотали мое самолюбие.

– Вы говорили обо мне с ее величеством? – с замиранием сердца спросил я.

– Разумеется, говорил. Если я в фаворе, не понимаю, отчего бы не распространить его и на моих друзей. Твоя давняя история с инквизицией и твои подвиги во Фландрии тронули сердце беарнезки[б - Испанская королева Изабелла Бурбон, старшая дочь Генриха IV (Наваррского), была родом из Беарна.]... Да, кстати. Раз уж я упомянул о сердце... У меня для тебя новости.

Он сделал паузу и улыбнулся – того и другого вполне хватило, чтобы у меня перехватило дыхание. Я уже довольно давно не получал писем из Новой Испании.

– Ходят слухи, что Луис де Алькесар сможет вернуть себе расположение короля. Он, судя по всему, сказочно разбогател на серебряных рудниках в Таско[7 - Таско-де-Аларкон – город в Мексике.], а теперь, как человек ловкий и умелый, набивает мошну всякому, кто может пригодиться ему в Мадриде, включая и самого государя. Передают за верное, что Филипп, как всегда отчаянно нуждающийся в деньгах, намерен вернуть его из ссылки. Доброхотное даяние умягчает наказание.

Дон Франсиско снова замолчал, и на этот раз – молчал дольше, а потом улыбнулся ласково и чрезвычайно многозначительно:

– Так что в скором времени следует ожидать возвращения в Мадрид Алькесара и его племянницы, которую, без сомнения, вновь возьмут ко двору.

В мои года вроде бы уже не подобало вспыхивать зарей, да и жизнь моя, прежняя и нынешняя, отучила краснеть. Тем не менее я залился румянцем. И краем глаза заметил, что капитан Алатристе смотрит на меня с прежней невозмутимостью. «Фамилия Алькесар навлекает на нас несчастья», – сказал он мне однажды, по обыкновению спокойным и безразличным тоном, когда слова, казалось, приходят из дальней дали. И был прав. Из-за моей сумасшедшей любви к Анхелике мы с капитаном не раз оказывались на волосок от плахи или петли. И ни он, ни я этого не позабыли.

– И будет очень и очень недурно, – продолжал Кеведо, – если свежеиспеченный королевский курьер вступит в новую полосу своей жизни не с пустым карманом. Фрейлины ее величества – уж ты мне поверь – обходятся дорого.

И продекламировал с лукавым прищуром:

Купи ее любовь, скажу как другу.

За побрякушки отдал Марс кольчугу,

Меч променял на тряпки и конфеты.

Коль в кошелек Юпитер превратится,

То, чтобы дождь собрать весьма доходный,

Охотно юбку задерет девица[8 - © Корконосенко К., перевод, 2014.].

– И это, достопочтенные мои сеньоры, возвращает нас к Венеции... Вообразите, что один из самых, если не самый, богатых городов мира отдается на поток и разграбление. И как там можно будет озолотиться.

Капитан меж тем положил обе руки на стол, справа и слева от кувшина с вином, и глядел на поэта задумчиво. Этими самыми руками он убивает, сказал я себе. Эти самые руки его кормят.

– Почему я? – спросил он.

Кеведо сделал неопределенное движение и взглянул вниз, по направлению к дворцу вице-короля. Как будто ответ крылся именно там.

– Я не могу сейчас раскрывать вам замысел во всех подробностях. Но повторяю: для исполнения той его части, что касается вас непосредственно, нужен человек с крепкой умелой рукой и в высшей степени надежный. Перебирая с графом-герцогом имена, мы разом, будто озарение нашло, назвали вас. Оливарес не позабыл вашего участия в той эскориальской истории. И того обещания, что вы дали ему в моем присутствии на аллее Прадо. Помните? Когда просили помочь Иньиго, схваченного инквизицией. «Он передо мной в долгу», – сказал Оливарес с этой памятной вам, должно быть, свирепой ухмылкой, пресекающей возражения... И – я здесь. И вы тоже.

Повисло молчание; дон Франсиско и капитан глядели в глаза друг другу и благодаря старой дружбе понимали друг друга без слов.

– Жаль... – со вздохом произнес наконец Алатристе. – В Неаполе мне было хорошо.

Речь свою он сопровождал легкой, немного усталой улыбкой. Я заметил, как дон Франсиско пожал плечами, показывая, что разделяет, не испытывая надобности облекать это в слова, мысли и чувства моего хозяина. Такие люди, как вы, капитан, говорил, казалось, этот жест, не вольны выбирать, где жить и где сражаться. Хотя порой, в виде особенной милости судьбы и в самом лучшем случае, им позволительно выбрать, где умереть.

– Венеция тоже хороша, – заметил он вслух.

– Зимой там дьявольски холодно.

Капитан глядел на пейзаж, и тень улыбки еще истаивала у него под усами. И я подумал, что ему в самом деле нелегко расставаться с этим городом, где некогда прошли лучшие годы юности и где все было по нраву и вкусу: в Неаполе жизнь определялась простыми и внятными правилами воинской дисциплины, а рядом были – Средиземное море и его берега, столь подходящие для доброй охоты, хорошее вино и надежные товарищи. И все так же не похоже на северные кампании с их траншеями, походами и переходами под дождем, с нескончаемо тянувшимися осадами, как на тревоги и ловушки опасного и двоясмысленного Мадрида, средоточия нашей буйной, бурной, противоречивой и несчастной отчизны, злой мачехи, которую Алатристе, ее наемный клинок, всегда покидал без сожалений. Печальной Испании, которую любишь только в разлуке с нею, вдали от нее, когда, стиснув зубы, ждешь вместе с безмолвными однополчанами неприятельской атаки, а над головой реет истрепанное непогодами и пулями старое знамя.

А вот мне с недавних пор приелся Неаполь. И не столько даже имя Анхелики де Алькесар грело мне душу, сколько будоражащее предвестие неминуемого. С вершины этого холма, за синим морем и высотами Посиллипо под итальянскими звездами, за берегами Адриатического залива провидел я новые приключения, схватки, пламень чистых чувств, мешки с золотом, ожидающие меня в легендарно богатом краю. И чтобы заполучить все это, довольно было всего лишь подчинить шаг своей жизни мерному рокоту полкового барабана, решиться – с тем же примерно чувством, как выбрасывают кости из стаканчика или прикупают карту. И мне ли, проведшему дерзновенно-отважную младость рядом с капитаном Алатристе, привыкать было к этому чувству? Новое приключение манило меня, влекло и прельщало, как блистающая золотом и изумрудами куртизанка. Венеция, повторял я с упоением. И это удивительное имя ласкало мне слух, распаляло воображение, как обольстительный сокровенный шепот красавицы.

II. Старые друзья

Вербовка много времени не заняла. Наведавшись несколько раз в казармы и переговорив кое с кем из однополчан, причем переговоры эти очень уместно

орошались выдержанным вином в тавернах Чоррильо, мой хозяин набрал команду ушлых и дошлых, тертых и битых, в семи щелоках вываренных, все на свете видавших молодцев, которые все как один состояли на действительной службе, а потому получили особый трехмесячный отпуск с сохранением содержания. Условились, что часть отряда морем отправится в Геную, а оттуда – в Милан, погрузившись на корабль через три дня после того, как мы – Алатристе, дон Франсиско де Кеведо и ваш покорный слуга – направимся, по морю же, во Фьюмару-ди-Рома, переправимся через Тибр и окажемся в столице папского государства. Среди тех, кто входил в первый отряд, были и наши старинные знакомцы Себастьян Копонс, Гурриато-мавр и еще четверо однополчан, вкрутую, как говорится, сваренных, испытанных и неболтливых, с которыми Алатристе вместе служил на галерах ли, во Фландрии или где там еще на долгом военном веку сводила его с ними судьба. Один, кстати, участвовал и в бою при Искандероне: был он бискаец, и звали его, представьте, так: Хуан Зенаррузабейтия. Двое – Мануэль Пимьента и Педро Хакета – были андалусцами, а Хорхе Куартанет – каталонцем. О каждом в должное время будет рассказано.

Что же касается нас троих, то пять лиг пути от Фьюмары до Рима проделали мы без приключений, если не считать одного происшествия, имевшего место, когда впереди уже почти показались стены Вечного города. В карете, запряженной четверкой мулов, поднялись мы на левый берег Тибра и покатали по дороге, проложенной еще древними римлянами. Ландшафт был приятен глазу, широкие кроны пиний умеряли зной долины Лацио, а по обочинам тут и там попадались приметы античной цивилизации – то живописные развалины, то арки или поваленные надгробные плиты. И вот, немного не доезжая церкви Сан-Паоло-Эстрамурос, наш экипаж вдруг остановился. Я дремал, откинув голову на жесткую спинку сиденья, и дон Франсиско, сложив руки на животе и похрапывая почище епископа, крепко спал рядом со мной. А вот капитан Алатристе бодрствовал, судя по тому, что когда карета остановилась и раздались голоса – кучера, почтальона и еще чьи-то незнакомые и очень громкие – а я открыл глаза, то наткнулся на предостерегающий взгляд моего бывшего хозяина, который прижал палец к губам, требуя молчания. Я прислушался к звукам снаружи – и убедился, что чужие голоса звучат еще громче, а возница и почтальон жалобно чему-то возражают.

– Бандиты, – прошептал капитан.

Богом клянусь, он улыбался – ну, или почти улыбался, – доставая из-под сиденья один из пары дорожных пистолетов, смазанных и заряженных. Дремота вмиг с

меня слетела. Еще часу не прошло, как мы болтали с Кеведо о том, что на дорогах, ведущих в Рим – ну, не на всех, вопреки поговорке, но на больших, уж точно, – расплодилось невероятное количество разбойников и грабителей, освобождающих путешественников от лишней клади. И подобно тому, как в нашей отчизне с ее несуразной географией, вывихнутой юстицией и переломанными нравами никогда не случалось недостатка в тех, кто добром или силой отнимал у проезжающих их достояние, так и итальянцы не желали в этом смысле отставать от собратьев по преступному промыслу: войны, мятежи, голод и бессовестность в изобилии поставляли злодеев, на все готовых, ничего не боявшихся и законов никаких – ни божеских, ни человеческих – не признававших. Не представляло собой исключения и государство, коим правил его святейшество папа Урбан VIII. Что же касается шайки, на которую посчастливилось нарваться нам, то, я полагаю, она пряталась в соседней сосновой роще или за арками разрушенного древнего акведука, проходившего в тех местах примерно в четверти лиги от дороги. По голосам я определил, что налетчиков четверо или пятеро. Один орал особенно громко, через каждые пять слов на манер припева уснащая речь свою безобразной бранью и беспрестанной божбой. Я подумал, что это, наверно, главарь.

– Какого дьявола?.. – заплетающимся со сна языком заворчал дон Франсиско, заерзав на сиденье.

По примеру капитана я жестом призвал его к молчанию. В этот миг в открытое окошко кареты просунулась косматая голова в узкополой остроконечной шляпе, увешанной образками, крестиками и ладанками на разноцветных ленточках. Дремучие заросли бороды и усов, черные глаза под медвежьими бровями. Ствол охотничьего карабина. Бандиту, желавшему узнать, кто сидит внутри кареты, и явно уверенному, что это мирные и насмерть перепуганные путешественники, судьба даровала еще одно мгновенье, чтобы он мог убедиться во всей пагубности своего заблуждения: да, не более мгновенья отделило черную дырку дула, внезапно уставившегося ему меж глаз, от выстрела, который разнес ему череп и отбросил назад. Одурев от грохота и едкого порохового дыма, забившего ноздри, я поспешил распахнуть дверцу кареты и выскочить наружу, меж тем как Алатристе уже выхватил второй пистолет, а окончательно проснувшийся дон Франсиско заворочался на сиденье, хлопотливо отыскивая свое оружие.

Помимо разбойника, валявшегося на земле безжизненной тушей, неотлично схожих с ним наружностью злодеев оказалось еще четверо: двое, вооруженных

длинными ножами, с плащами через плечо, держали под уздцы наших мулов, еще один с бердышом стоял у козел, а последний и сам держался чуть поодаль и держал на мушке своей укороченной аркебузы кучера с почтальоном. Выстрел застал их всех врасплох, а когда из обеих дверей кареты одновременно выпрыгнули мы с капитаном, они просто замерли в столбняке ошеломления, уподобившись восковым фигурам. Я бросился на бандита с бердышом, не упуская из виду и стрелка, но Алатристе, уложив его из второго пистолета, тотчас прикрыл мне фланг. К этому моменту я благодаря проворству – драгоценному дару моей младости – парировал удар, отбил в сторону бердыш и, проскользнув вдоль древка, всадил злодею клинок в самую печень. Вскрик его был почти не слышен за громовым ором дон Франсиско, который выбрался наконец из кареты и со шпагой в руке, с проклятьями на устах напал на последнего разбойника. Впрочем, исход дела был уже решен. Когда я выдернул кинжал, мой противник сперва упал на колени, а потом повалился ничком, припав к мощеной дороге. Капитан Алатристе серией яростных выпадов теснил своего. Четвертый злодей увидел, что до него пока никому нет дела, и, недолго думая, опрометью кинулся прочь.

– *Vieni qua, sfachato!* – орал ему вслед дон Франсиско на чистом тосканском диалекте. – *Vieni, que ti tallo la grondalla!*

В примерном переводе это значило, что наш поэт собирается перерезать негодяю глотку, если тот предоставит такую возможность. Разбойник, однако, ее не предоставил: помчался напрямки через поле и вскоре исчез среди сосен. Победа была полная: бандит, который первым сунулся в карету, и бандит с аркебузой лежали там, где их уложили, и готовились отдать душу тому, кто дал ее им когда-то; мой противник истекал кровью, хлеставшей из проделанной мною прорехи, и беспокоиться на его счет не приходилось, а своего капитан Алатристе притиснул к колесу кареты. И как раз в этот миг почти небрежным движением шпаги обезоружил и приставил острие к его горлу, явно собираясь нанести последний удар.

– *Пощадите!* – в ужасе вымолвил разбойник.

Он был далеко не первой молодости – сильно за тридцать, и на смуглом небритом лице лежала печать той же свирепости, что и у его дружков. В точности, как они – и в этом состояло едва ли не главное отличие итальянских душегубов от нашеньких, – обвешан ладанками, медальонами, скапуляриями, распятиями, свисавшими с полей его шляпы, с воротника и петель его грязного

полукафтанья. Казалось, что даже на расстоянии чувствовался исходивший от него ужас: сверху вниз, от паха к ляжкам по его штанам расползлось влажное пятно. Я ждал, что капитан со свойственной ему деловитой отчетливостью сейчас его прикончит: нажмет чуть сильнее – и аминь. Но Алатристе отчего-то медлил. Вглядывался в лицо злодея, будто что-то отыскивая в нем. Воспоминание, быть может. Образ или слово.

– Смилуйтесь, синьор! – снова взмолился злодей.

Я увидел, как мой бывший хозяин медленно покачал головой, словно отрицая что-то. Несчастный закрыл глаза, издал стон, полный бесконечной смертельной тоски, и откинул голову к колесу, сочтя, что – нет, не пощадят и не помилуют. Но я-то слишком хорошо знал капитана Алатристе, а потому знал и то, что он имел в виду другое. Нет, это не вопрос милосердия, будто говорил его жест. Совершенно нет. Я мог бы оказаться на твоём месте. А ты – на моем. Все дело в том, какие карты сдаст тебе судьба из своей засаленной колоды. И тогда, как пресытившийся убийствами лев, который заносит когтистую лапу не потому, что голоден, а по привычке, и вдруг останавливает ее, не нанеся рокового удара, Алатристе отвел острие шпаги от кадыка жертвы.

Рим, *caput mundi*, властелин мира, колыбель католичества, царь городов и, как аттестовал его дон Мигель де Сервантес, оказался уж таким Римом, что ах. Я был здесь во второй раз в жизни и снова с восхищенным изумлением смотрел на его дворцы и пышные сады, на часовни и колокольни его соборов, на древние постройки, на площади с прекрасными фонтанами, на мрамор и гранит, придающие городу апостола Петра и его наместников столь благородный облик. Мы вступили в его пределы во второй половине дня через Паолинские ворота, стоявшие вблизи от пирамидальной гробницы Цестия[9 - Мавзолей, построенный в 18-12 году до н. э. для Гая Цестия Эпулона, магистрата и члена одной из четырех великих римских жреческих коллегий.], и, покружив немного по улочкам, оказались перед еще не рухнувшими стенами величественного здания, которое древние римляне именовали Колизеем. И при виде его дон Франсиско не мог, разумеется, не прочесть, к вящему моему удовольствию:

О, пилигрим, ты ищешь в Риме Рим,

Но Рима нет. Великий Рим – руина,

Стал Авентин могилой Авентина

И Палатин надгробием своим[10 - © Винокуров Н., перевод, 2014.].

Он явно гордился этими строками, хоть и продекламировал их немного небрежно и так, будто они сию минуту пришли ему в голову. Позабыв, вероятно, что не раз уж, воспламененный вином, читывал нам их раньше в таверне «У Турка». Капитан подмигнул мне, я изобразил на лице простодушное восхищение, а дон Франсиско, весьма польщенный и довольный действием, которое произвела его муза, потрепал меня по коленке и вновь принялся просвещать насчет того, что открывалось нам слева и справа и что было ему превосходно известно и по предыдущим его поездкам в Рим, и из бесчисленных книг. Вскоре мы пересекли площадь Навона – и мне показалось, будто я вдруг очутился в родной Испании, потому что многое из того, что воздвигнуто было там при императоре Карле V, относилось к нашей нации, тем паче, что ко мне в карету из уст слуг, трактирщиков, уличных торговцев, разносчиков, солдат, женщин и прочих людей всякого вида, рода и сословия долетала знакомая речь, слегка приправленная и сдобренная итальянскими словечками и оборотами: именно на этом языке говорили в Италии мы, испанцы. Невдалеке были церковные школы, основанные испанцем Хосе де Каласансом, жившим некогда подле Сан-Панталеона и к тому времени признанным уже *il piu? grande catechista di Roma*[11 - Виднейший в Риме законоучитель (ит.)]. Здесь же, в соседнем дворце, исстари и до недавних пор, пока резиденция не переехала поближе к Тринита деи Монти, жили испанские послы. Здесь же в бесчисленных лавках выставлены были испанские книги и гравюры, а в восточной части площади вдобавок высились церковь и больница Сантьяго, называемые «испанскими» же, где равно пеклись как о спасении души наших соотечественников, так и об их телесном здравии.

Но утолялись там не только эти надобы. В соседнем квартале Поццо-Бьянко у церкви Санта-Мария-ин-Космедин располагались в невероятном изобилии бордели, веселые дома и тому подобные заведения. И рядом, у самого престола Святого Петра, выставлено было на продажу великое множество тех, с позволения сказать, ворот, откуда весь народ, – и блудные девки числом, не говоря уж об уменье, никак не уступали монахам. Часто встречались приехавшие покорять Италию андалуски – пышно цветущие или худосочные, истинные уроженки Севильи и Кордовы или самозванки, выдававшие себя за оных: одни увязались за солдатами, других привезли сводники, третьи пустились в неблизкий путь на свой трах и дрызг, то есть, виноват, страх, риск и кошт, ибо ведь недаром говорится, что житье молодке – в римском околотке, а

как увяла – богомолкой стала. Все эти отъявленные потаскухи прозывались не иначе как донья Эльвира Нуньес де Толедо или донья Луиза де Гусман-и-Мендоса: если помните, мне уже случалось упоминать, что ни разу в жизни не встретил я испанской проститутки, не исключая трепаных и траченных шкур самого последнего разбора и низжайшего пошиба, которая не кичилась бы голубой кровью рыцарей, пусть даже предки ее из рода в род не латы носили, а латки ставили и не копьем кололи, а подошвы приколачивали. В кварталах Регола и Сан-Анджело обосновались другие женщины, предки которых – так называемые марраны, или крещеные иудеи – в давние времена были изгнаны из Испании. И, как убедится в дальнейшем пытливый читатель, одна из них, хоть дело будет происходить в другом городе и при других обстоятельствах, да и сама она будет птицей другого полета, примет участие в этой истории.

Мы тем временем добрались до нашего постоянного двора под названием «Медведь», где, по словам превозносившего это заведение сеньора Кеведо, недурно кормили, еще лучше поили и давали сносный ночлег. Стоял «Медведь» на одноименной улочке, почти на самом берегу Тибра, и вообще цены бы ему не было, если бы не опасная близость – не дальше аркебузного выстрела – к печально знаменитой Торре-де-Нона, зловещей папской тюрьме с железными брусьями на фасаде, на которых принято было вешать приговоренных, причем трупы казненных долго еще оставались выставлены на всеобщее обозрение. Весь Рим, как и прочие области папского государства, находился в юрисдикции его святейшества Урбана VII, а тот правил в своих владениях как самодержавный монарх. Что же до нашей гостиницы, то существовала она уже очень много лет, занимала здание внушительного вида и считалась одной из лучших в городе. С постояльцев драли по тридцать эскудо в месяц, и мы с капитаном по скудости наших эскудо нипочем бы не смогли позволить себе проживание там, если бы не дон Франсиско, который пребывал в Риме по служебной надобности с официальным, хоть и негласным, поручением, а потому жил на казенный счет. Отведенный нам номер был просторен и светел, и через арочное окно, украшенное романскими капителями, виднелся кусочек Тибра, замок Сан-Анджело и исполинский купол собора Святого Петра – славы и чуда всего христианского мира.

Услаждая зрение этим прекрасным видом, мы отлично поужинали, а потом еще лучше выпались на мягких кроватях с чистыми простынями. А наутро, чуть рассвело, капитан Алатристе и дон Франсиско отправились по каким-то важным делам, в суть которых меня не посвятили. Неожиданно предоставленный самому себе, я повозился немного со служанкой, чистившей мое платье – молоденькой, смазливой и довольно бесстыжей римлянкой, – потом взял свою украшенную

вышивкой и перьями шляпу, плащ и шпагу и побрел по улице куда глаза глядят в рассуждении побродить без определенной цели по Вечному городу. По пути восхитился несколькими очень приятными личиками, припомнив кстати старое солдатское присловье: «Римское личико, фигурка веронская, поступь флорентийская, ученость болонская». День был зимний, холодный, но приятный: яркое солнце взошло над городом, отчего поголубела вода в фонтанах и укоротились тени церквей, колоколен и палаццо. Ноги сами принесли меня на берег реки, к мосту Сикста. Панорама оттуда открывалась волшебная – помимо стен и купола Ватикана, на другом берегу величественно возвышался круглый замок, в античные времена служивший мавзолеем императору Адриану. Как было не вспомнить, озирая его, что сто лет назад, 6 мая 1527 года, когда Рим подвергся разграблению, за стенами Сан-Анджело нашел себе убежище папа Клемент VII.

Мог ли я, солдат, не остановиться на мосту, вопрошая себя в изумлении, каким образом войску императора Карла – десяти тысячам германских ландскнехтов, шести тысячам испанцев, четырем тысячам итальянцев и валлонов – голодному, оборванному, изнуренному долгим переходом, без артиллерии – удалось взять приступом этот огромный город? Первыми по штурмовым лестницам на стены полезли наши ветераны-аркебузиры. Испанцы, с лестницами и кошками, с криком «Испания, Испания! Бей-убивай!» ударили через Бельведер и ворота Святого Духа после того, как уже на стене пал, сраженный пулей перед свой ротой, капитан Хуан де Авалос, и рубили и резали всех, кто попадался им под руку, сдавались они или нет, и самому Иисусу Христу не было бы пощады, попроси он ее, так что по мере их продвижения во всю ширь улицы Лунгара не оставалось за ними ни единой живой души – но сплошь мертвые тела. А на том месте, где стоял я нынче, другая рота испанской пехоты под началом капитана, чье имя история не сохранила, бешеным, безумным броском по открытому пространству, по голым камням моста Сикста, который насквозь простреливался папскими пушкарями и аркебузирами, под градом ядер и пуль прорвалась к самым воротам, и не вернулся ни один. Спору нет, испанцы, когда по окончании битвы город был отдан на поток и разграбление, не только не остались в стороне и не отставали от других победителей, но и превзошли их в насилиях, бесчинствах и лютой жестокости; но ведь правда и то, что не в пример другим солдатам – так же точно было и при взятии Павии и многих прочих городов, в случае отказа капитулировать предаваемых огню и мечу – мои соотечественники, свято чтившие обычай нашей нации держаться под огнем необыкновенно стойко и дисциплинированно, принимались за грабеж и бесчинства не прежде, чем бывала одержана полная победа и исполнен их долг перед капитанами и императором.

Ну а про ту печальную участь, что выпала Риму, отданному во власть победителям, написано очень много, и к этим книгам отсылаю я любознательного читателя. Он узнает – и лучше, чем я бы мог ему про это рассказать, – что всему виною были подлый нрав, злая воля и нечеловеческая жадность папы Клементя VII, решившегося сыграть на руку Франции, вступить в антииспанскую лигу и воспрепятствовать тому, чтобы на голове Карла, помимо императорского венца, утвердилась и корона неаполитанских королей. Узнает и о том, что в ужасные дни, последовавшие за взятием Рима, так же мало боялись Бога, как стыдились людей, разоряя церкви и святыни заодно с дворцами вельмож и домами простых горожан. Сорок тысяч убитых – таков был итог, и живые порою могли бы позавидовать павшим, ибо ярость победителей не щадила и соотечественников, включая и послов Испании и Португалии; и если германские ландскнехты, свирепые, беспощадные и упитые, как и положено немцам, вспоминали о своем лютеранстве – да, такие вот имперские парадоксы, – чтобы свести давние счеты с любым патером, епископом или кардиналом, до какого только могли дотянуться, то испанцы, к прискорбию, не уступали им в издевательствах, бесчинствах и зверстве, каких не видано было и в землях дикарей-карибов. Солдаты врываются в дома, убивали всякого, кто пытался сопротивляться, грабили и насиловали, обращали в рабство богатых людей, сотнями бесчестили монахинь, гоняли по улицам в шутовских процессиях священников и монахов. Всеобщая резня, бесчисленные жертвы. В скором времени приняли во всем этом участие шайки дезертиров, разбойников и разнообразного отребья, которые, как стервятники, ища поживы, всегда следуют за войском, – и в городе на несколько месяцев воцарился сущий ад. Немцы и испанцы, оспаривая женщин и добычу, грызлись меж собой, как псы, и любую матрону или девицу, попавшую им в руки, насиловали, проигрывали в кости, обращали в проститутку или наложницу. А потом, пресытившись, выбрасывали из казарм на потеху и поругание вышеуказанному сброду, кружившему там же, и в конце концов – на погибель от рук этой мрази. Хорошо передает обстановку романсеро, сложенный в то время о взятии Рима:

По семи холмам несется

Вопль горестный и стон:

Дочерей лишают девства,

Сыновей ведут в полон.

Ну а я, знающий, какие бесчисленные беды обрушились на город сто лет назад, не переставал дивиться, что жители его, узнавая во мне испанца, не кривились злобно, не плевали в лицо, не набрасывались с кулаками. И это лишний раз убедительнейшим образом доказывало, что человеку свойственно забывать великие горести и стараться совершенно изгладить их из памяти. Иные видят корень этого в доктрине христианского всепрощения, но я, солдат по ремеслу и по обстоятельствам, то есть тот, кому на протяжении долгой и изнурительной жизни чаще случалось быть палачом, нежели жертвой, считаю, что так показывает себя склонность человека примиряться с действительностью. И проявляется здесь инстинкт выживания, переплетенный с сиюминутными надобностями и с интересом к будущему, позволяющий вслед за Сенекой сказать, что забвение обиды есть лучшее отмщение. Впрочем, иные – и мы с капитаном Алатристе в их числе – с этим не согласятся и заявят, что есть способ отомстить и получше, а именно: сунуть обидчику в кишки шесть дюймов хорошей толедской стали.

Стоя в приемной дворца Мональдески, Диего Алатристе видел в открытое окно церковь Тринита-деи-Монти на крутом склоне, поросшем сорняками и заваленном мусором. По всему дому стучали молотки, перекрикивались рабочие. Во дворце, номинально считавшемся резиденцией испанского посла в Риме, кипела работа. Везде стояли козлы, сновали маляры и штукатуры, и широкая лестница из камня и дерева, по которой капитан и дон Франсиско поднялись на второй этаж, гудела и скрипела под ногами. На самом деле, пояснил Кеведо, посол бывает здесь лишь изредка, потому что проводит почти все время на великолепной Вилле Медичи, расположенной на горе, за церковью Тринита и за Пинчо. Дворец Мональдески, который уже стали называть «Палаццо ди Спанья», короне не принадлежит: он взят в аренду на то время, пока не будет определен его статус. Граф-герцог Оливарес – человек, родившийся в Риме, где его отец был послом, – мечтал превратить это шестиэтажное величественное и очень удачно расположенное здание в цитадель и средоточие испанской дипломатии. И попутно – насолить кардиналу Ришелье, тоже имевшему виды на палаццо.

Алатристе был с непокрытой головой – шляпу, плащ и португею со шпагой и кинжалом он отдал слуге. По настоятельной просьбе дона Франсиско, собираясь сюда, он тщательно вычистил свои солдатские сапоги, надел чистую сорочку с валлонским воротником и, как мог, привел в относительно божеский вид платье – собранные под коленями полотняные штаны и замшевый колет с костяными пуговицами. В одном из больших зеркал на стене мельком оглядел себя –

сухощавого, жилистого, среднего роста, по обыкновению коротко стриженного, с густыми усами, с внимательными глазами, меняющими цвет, как морская вода. Со шрамами на щеках, на лбу, на руках. Вы из тех людей, капитан, ласково улыбаясь, сказал ему дон Франсиско, покуда они завтракали в остерии кашей и дынным вареньем, которые вживе являют то, что изображают обычно на гравюрах.

Глаза Алатристе задержались на большой картине: это было батальное полотно, где в немыслимом ракурсе и с нарушенной перспективой на фоне зимнего пейзажа, то есть – на дальнем плане, представлен был осажденный город. На среднем плане тянулись оборонительные линии, траншеи и войска, идущие в атаку, а на переднем – справа и слева – в сопровождении тощих верных псов, под знаменем с андреевским крестом шли на приступ солдаты. Оборванные, обтрепанные, почти в лохмотьях, в бесформенных шляпах и продранных дырявых плащах; однако внимательный наблюдатель, знающий, что внешность обманчива, отметил бы, как умело несет это свирепое воинство оружие – пики, шпаги, аркебузы – и в каком неукоснительно строгом порядке держит строй, уходящий к самым траншеям. Алатристе, как ни старался, не мог узнать место действия. А ведь в свое время и сам мог быть под стенами осажденного города. Хальста, Амьена, Бомеля? Остенде, или Берг-оп-Зоома, или Юлиха? Или Бреды? За тридцать-то лет столько было этих осад и штурмов, что в его памяти все воюющие города стали неотличимы один от другого. Тем более что уж ему-то никогда не доводилось смотреть на битву так вот, сверху, издали, с птичьего полета – это больше подобает полководцам, которые на переднем плане полотен, написанных, чтобы увековечить их славу и блеск, при полном параде, красуясь верхом на вздыбленных скакунах, бестрепетно указывают жезлом на врага. Нет, в воспоминаниях капитана Алатристе неизменно скуден был пейзаж, и куц обзор, и видел он это все вплотную, и точка его зрения не поднималась выше бруствера: какая там перспектива в грязи и сырости траншей, в голоде, холоде и вечном недосыпе, в шмыгающих под ногами крысах, в клопах, вшах и блохах, которыми кишит одеяло, в дожде, под которым безнадежно мокнут часовые, в кровопролитных атаках, в резне нос к носу и пальбе в упор? Служба такая. Такое уж ремесло у верной пехоты его католического величества, воюющей с целым светом, измытаренной, плохо оплачиваемой, ненасытно-алчной до трофеев и добычи, склонной иной раз взбунтоваться, но под неприятельским огнем – неколебимо стойкой, а в рукопашной – беспощадно мстительной. Даже в лохмотьях неизменно остававшейся горделивой и грозной.

Бесшумно, не скрипнув смазанными петлями, отворилась дверь. Диего Алатристе заметил это, когда она уже была открыта, и, обернувшись, увидел,

что с порога смежной комнаты, обставленной дорогой мебелью и устланной коврами, смотрят на него три человека. Один из них был дон Франсиско де Кеведо. Другой – высокий, осанистый, одетый в зеленый атлас, затканый серебром, с золотой цепью на шее. Третий – длинноволосый и усатый, с клочком волос под нижней губой – был весь в черном, и однотонность костюма нарушали только белый накрахмаленный воротник сорочки и крест ордена Сантьяго, вышитый красным на груди слева. Все трое продолжали молча рассматривать Алатристе. И, почувствовав себя неловко от этих пристальных взглядов, сделал легкий почтительный поклон, ожидая, что Кеведо подаст какой-нибудь знак, но поэт оставался бесстрастен и смотрел точно так же, как остальные двое, и лишь спустя минуту чуть повернул голову к зеленоатласному и очень тихо произнес несколько слов. Тот кивнул, не сводя глаз с капитана. Алатристе по наружности и осанке догадался, что это, наверное, дон Иньиго Велес де Гевара, граф Оньяте, посол Испании в Риме, по словам Кеведо – приближенный короля и ставленник Оливареса. Кто такой кабальеро в черном, осталось неизвестным.

Прошло еще полминуты, и вельможа с золотой цепью дважды кивнул, как бы давая понять, что удовлетворен. Длинноволосый закрыл дверь, и Диего Алатристе вновь остался в одиночестве. Звякнул где-то колокольчик, и вскоре показавшийся из другой двери слуга повел его вниз по лестнице. Наконец капитан очутился в комнате с выбеленными голыми стенами, где кроме стола и четырех стульев стояла железная печка с трубой до потолка, а в зарешеченное окно виднелась площадь с Палаццо ди Пропаганда Фиде[12 - Дворец распространения веры – штаб-квартира ордена иезуитов.], на который указал капитану дон Франсиско, когда они вышли из кареты, доставившей их с улицы Орсо. Алатристе еще смотрел в окно, гадая, за каким дьяволом он тут торчит и чего дожидается, когда за спиной у него отворилась дверь. И, еще не успев обернуться и взглянуть на вошедшего, услышал музыкально высвистанную руладу. От столь знакомого ему зловещего «тирури-та-та» по коже побежали мурашки. Капитан повернул голову так резко, напряженно и настороженно, словно сам сатана тронул его сейчас за плечо.

– Мне это по вкусу, – промолвил Гуальтерио Малатеста.

Он был, как всегда, в черном с ног до головы. Без шляпы, без плаща. Зато с издевательской усмешкой, зазмеившейся по губам при виде того, как рука Алатристе инстинктивно дернулась к бедру схватиться за шпагу, которой при нем не было. Итальянец, казалось, наслаждался его удивлением, но сам удивлен

не был. Мрачные, твердые, как полированные агаты, глаза – правый чуть косил из-за шрама, задевшего уголок верхнего века – искрились прежним блеском, стальным и опасным. Но капитан с облегчением отметил, что и Малатеста тоже безоружен. Хотя наверняка припас что-нибудь за отворотом ботфорта, так же, как и сам Алатристе спрятал в сапоге неразлучный обвалочный нож – короткий, с желтой роговой рукоятью.

– В самом деле, по вкусу, – повторил Малатеста.

Он еще больше высох и похудел. Заметно постарел. Жизнь, судя по всему, обходилась с ним в прошедшие годы не очень-то ласково. И следы этого обхождения были налицо – на лице. Еще сильнее ввалились побитые оспой щеки, под глазами залегли круги, а в углах рта – морщины, которых Алатристе раньше не помнил. Прочертили их, надо понимать, недавно перенесенные страдания. Седые нити проглядывали в усах, остававшихся, впрочем, такими же тонкими и тщательно выстриженными, седая щетина пробилась на подбородке. Капитан пришел к умозаключению, что досталось итальянцу за минувшие полтора года крепко, а пришлось несладко. В последний раз они виделись дождливым утром под Эскориалом, когда королевские гвардейцы увозили закованного в цепи итальянца по дороге, которая, скорей всего, вела в камеру пыток и на эшафот.

– Срань Господня, – сказал Алатристе спокойно.

Малатеста обратил к нему взор внимательный и чуть задумчивый. Словно богохульство старинного недруга заключало в себе смысл, с которым он был согласен.

– Именно так, – сказал он.

После этого оба замолчали, оглядывая комнату, куда их привели. Точно так же пять лет назад произошло их знакомство. Тогда, в приемной какого-то заброшенного мадридского дома неподалеку от Приюта Духов, впервые оказались лицом к лицу два эспадачина, ожидавшие, что им предложат какую-то нетрудную работу. На поверку все вышло совсем не так.

– Что ты здесь делаешь? – наконец нарушил молчание Алатристе.

– В испанском посольстве?

– В Италии.

Изжелта-зеленоватое лицо наемного убийцы пересекла белая полоска улыбки. И обнаружила щербину – два резца были сломаны почти пополам. Алатристе же запомнился сплошной ряд белых зубов.

– То же, что и ты. Жду заказа. Похоже, это наша с тобой судьба, сеньор капитан. По какой-то забавной причине мы никак не можем отделаться друг от друга.

Алатристе смотрел на него, не веря своим ушам и не в силах скрыть изумления:

– Работать вместе? Мне – с тобой?

– Похоже на то. Так мне сказали, по крайней мере.

– О черт... Они, должно быть, спятили.

– Да нет, пожалуй... – Итальянец показал пальцем на не стянутую ремнем поясницу капитана. – Иначе не разоружили бы тебя, как и меня.

После этого оба замолчали надолго. С площади доносились грохот колес и голоса торговцев, зазывавших покупателей, а в доме по-прежнему стучали молотки и перекликались каменщики.

– Я думал, ты давно покойник, – сказал наконец Алатристе.

Он смотрел на итальянца с удивлением и любопытством. Как же, черт его дери, он умудрился выпутаться? Взят с поличным, на месте преступления – и какого преступления!.. неудавшейся, слава богу, попытки цареубийства, покушения на священную особу могущественнейшего монарха мира. И вот стоит здесь как ни в чем не бывало, а бывало такое, что вспомнить жутко. Жив-здоров, цел и невредим и не в кандалах, но с этой своей опасной ухмылочкой, все говорящей без слов. Если у Гуальтерио Малатесты, как у кота, семь жизней, хотелось бы знать, сколько он уже истратил?

- Было дело. Одной ногой стоял в могиле. Но - выбрался.

- Быть не может! Шаг, на который ты решился тогда, неминуемо должен был стоить тебе головы.

- Я и был на волосок от плахи. А перед тем подвергся более чем неприятным - уж ты мне поверь - процедурам, так скажем...

Он помолчал в злобной задумчивости:

- Никому не пожелаю... Впрочем, нет. Тебе бы пожелал.

Теперь он шевельнулся. Шагнул в сторону, перенеся тяжесть тела с одной ноги на другую. Только и всего, но Диего Алатристе был начеку и в чутком ожидании. Слишком хорошо он знал Малатесту, чтобы не опасаться и самого безобидного движения итальянца, стремительного и смертоносного, как змея.

- Меня свеживали, как кабана, подвешенного на крюк, - продолжал тот. - Терзали и мучили сутками, неделями и месяцами напролет... Но, как ни странно, дыба с кобылой меня и спасли. Кое-что из того, что я рассказал - ибо уверяю тебя, умолчать мне удалось мало о чем, - привлекло внимание людей, которые мною занимались.

Он вдруг замолчал, стал очень серьезен и уставился в окно, явно не видя его. Или видя одну лишь решетку. Алатристе не без растерянности снова отметил, как преобразился итальянец за то время, что они не виделись. Краткий рассказ о своих злоключениях он вел тихим, тусклым голосом. Будто был погружен в себя, вернее - в пучины пережитого некогда ужаса. Никогда прежде Алатристе не слышал у него такого тона.

- Не верю, - сказал он, взяв себя в руки. - Никто в твоём положении...

Его прервал взрыв хохота - прежнего, хорошо знакомого. Сухого и жесткого, как раньше. Как всегда. Больше похожего на треск или скрип.

- ...не смог бы спастись, хочешь сказать? Ну а я вот смог, как видишь.

Малатеста отвел глаза от окна и опять уставил на капитана невозмутимо-уверенный и жестокий взгляд.

- Не сочти за неучтивость, но я не стану рассказывать, что да как там было... Мне велено онеметь. Тебе довольно знать вот что: сочли, что живой я окажусь полезнее, чемдохлый. И что доходней будет держать меня на воле, а не в цепях на галере. Ну и вот, сеньор капитан, я перед тобой. И у тебя в товарищах.

День сюрпризов, подумал Алатристе. И, несмотря на нелепость происходящего, едва сдержался, чтобы в свою очередь не расхохотаться.

- Иными словами, мы отправимся в путь вместе?

- Вот этого не знаю. Но когда прибудем к месту назначения - вместе или порознь, - заниматься будем одним делом.

- А как же наше с тобой дело? Счет-то не закрыт.

Итальянец бессознательно поднял руку к шраму, чуть оттягивавшему в сторону правое веко, отчего глаз немного косил. Это была память об ударе, полученном от Алатристе в устье Гвадалквивира, во время ночного боя на «Никлаасбергене». И слегка прикоснулся к давно зарубцевавшейся ране кончиками пальцев, словно она все еще болела.

- Это ты мне говоришь? Мне? Да моя бы воля - я бы сию минуту свел с тобой счеты... Где-нибудь в тихом месте - и на чем скажешь: на шпагах, кинжалах, ножах, аркебузах, пехотных копьях... да хоть на мортирах. Но кто платит, тот и заказывает музыку, сам знаешь. А я из этого дела извлеку не только то, что мне причитается, но и то, что с меня не взыщут.

- Ты, выходит, особо ценная персона.

Малатеста крепко выругался по-итальянски и добавил:

- Можешь за эти слова счесть меня фанфароном, но это - чистая правда.

Он подошел поближе, понизил голос. Улыбаясь так, словно они с Диего Алатристе были всю жизнь необыкновенно близки. Да ведь в определенном смысле, сказал себе капитан, так оно и есть. И сам удивился, до чего же это точно. Есть ли кто ближе заклятого, смертельного врага?

– Я лично знаю людей, которые будут всем заправлять там, куда мы отправляемся. Они, что называется, удобно расположены для дела, которым мы займемся. Мы, уроженцы Палермо, сам знаешь, везде как дома и всюду находим своих.

Он наглово рассмеялся. Оттого, что итальянец придвинулся вплотную, Алатристе ощущал особый, очень хорошо знакомый, въевшийся и неистребимый запах ружейного масла и насаленной кожи, который исходил и от него самого. Запах профессионального вояки. Запах, заставивший его вспомнить про нож за отворотом правого ботфорта. Словно угадывая его мысли или намерения, итальянец медленно отступил.

– Так что, сеньор капитан, личные счета давай-ка мы с тобой слегка отложим.

Алатристе двумя пальцами погладил усы. Он знал, что слово «отложим» ничего не гарантирует и что, если хочет выжить, надо почаще оглядываться. Для Гуальтерио Малатесты всаженный под лопатку нож послужит острой приправой к любой договоренности.

– Отложим? Пусть та потаскуха, что тебя снесла, яйца откладывает, – ответил он твердо и спокойно. – Ты предатель и негодяй.

Малатеста неторопливо повернул и склонил к нему голову, шутовски изображая, что малость глуховат. Потом оглядел капитановы сапоги – угадывая или вспоминая, что там может скрываться за голенищем. И наконец обвел взглядом комнату из конца в конец – голые стены, железную печку, – словно сомневаясь, что они в ней только вдвоем.

– Полноте, капитан Алатристе. Не раз и не два я тебе говорил: мы с тобой одной веревочкой связаны... Впрочем, неважно. Так или иначе, у тебя будет случай повторить мне это в более подходящих обстоятельствах. Как я уже сказал, сейчас я не вполне распоряжаюсь тем, что у меня на плечах. Но клянусь, когда сделаем дело, непременно встретимся и настругаем друг друга ломтиками

сообразно твоей мечте и моему желанию. А пока объявляется перемирие.

Он протянул руку – осторожно, примирительно. Диего Алатристе мгновение смотрел на нее, прежде чем демонстративно отвернуться. И от его маневра на рябоватом лице наемника вновь заиграла улыбка.

– Как там поживает этот паренек, Иньиго Бальбоа? – Итальянец оглядел свою повисшую в пустоте руку, словно пытаюсь уразуметь, чем же она не понравилась собеседнику. – Говорят, он тоже в Неаполе. Совсем, должно быть, взрослый стал... Смелый и умелый. Я помню, как он дрался во Фреснеде и как удержал тебя, когда ты уже – по глазам было видно – собирался меня прирезать. Черт возьми, если бы не он, мы бы сейчас не разговаривали...

Теперь черед горько улыбнуться пришел капитану.

– Да уж можешь не сомневаться. Приколол бы, как кабанчика.

– А я и не сомневаюсь. Хотя, когда вспоминаю, чего мне стоил этот год, не знаю, благодарить ли мальчугана... – Он чиркнул себя пальцем по кадыку. – Один хороший удар избавил бы меня от больших тягот...

Произнеся это, он стал с терпеливо-кротким видом ждать ответа. И Алатристе наконец пожал плечами:

– Иньиго отправляется с нами. Он в отряде.

– Да что ты говоришь?.. Жизнью своей увлекательной клянусь, – снова раздался скрипучий смех, – это просто замечательно: столько старых друзей встречается вновь!

В тот же вечер, славно отужинав в траттории на Кампо деи Фьоре, где было воздано должное тибрской рыбе, изжаренной особым образом, и зайчатине с вермишелью по-сицилийски, капитан Алатристе и ваш покорный слуга распрощались с доном Франсиско. По его словам, поручение графа-герцога Оливареса было исполнено как нельзя лучше. Исчерпывающий отчет обо всех его давних дружеских связях, коды к зашифрованной переписке, которую в свое время вел с агентами герцога Осуны в Венеции, все, что знал и помнил о своей

службе при вице-короле Неаполя, – все это, черным по белому изложенное, было передано в собственные руки испанского посла и его шпионов, призванных довести дело до победного конца. Так что дон Франсиско со спокойной душой возвращался в Мадрид. Двойной долг – перед покойным Осуной и живым Оливаресом – исполнен, оставаться в Италии больше незачем, и он может теперь в отчизне заняться собственными делами – трудами, стихами и книгами. И попутно воспользоваться теми выгодами, которые его видная и блестяще сыгранная роль во всем этом могла принести ему при дворе.

– Никто не знает, сколько продлится фавор, – заключил он. – И потому, покуда звезды мне благоприятствуют, надо успеть обмакнуть корочку в подливку... В Испании, друзья мои, взобраться на вершину успеха почти всегда значит вскоре сверзиться вниз:

Остановись, коль путь наверх идет,

Спустись, коль добрался ты до вершины;

Твой путь наверх – извилистый и длинный,

Кратчайший – тот, что вниз ведет с высот[13 - © Андреев В., перевод, 2014.].

Он прочитал эти строки, достойные философических откровений Сенеки, несколько приподнятым тоном. Вслед за тем вылил из бутылки в стакан последние капли мальвазии, уплатил по счету серебром – для прощального ужина он назаказывал всего самого дорогого – и, завернувшись в плащи, мы вышли на широкую эспланаду под круглую римскую луну, заливавшую высокую стройную колокольню Апаркаты столь ярким серебристым светом, что можно даже было разглядеть циферблат часов. В такое время тут тихо и покойно, сказал дон Франсиско, нет этой оравы ротозеев, зевак, разного рода шарлатанов, которые днем роятся вокруг лотков и палаток. Времени года вопреки вечер был хорош, так что шли мы неспешным шагом, приятно беседуя и рассеивая винные пары. Поэт не обращал внимания на свою хромоту, обычно донимавшую его, как если бы сладостное сознание того, что он – в Риме, заставило позабыть о ней, а выпитое, клоня долу, помогало не заваливаться назад и сохранять равновесие. Несколько больше обычного отяжелел он оттого, что сегодня налегал на мальвазию, сильно ударявшую в голову: по мнению Кеведо, местному, римскому вину отпущено не свыше года жизни, так что если уж минув сентябрь, его в рот не возьмешь, даже томясь в узилищах Тетуана, в плену у алжирских пиратов. Капитан Алатристе же, хоть и усидел, глазом не

моргнув, не менее асумбре, был, что называется, ни в одном глазу: шел твердо, глядел ясно, ни ноги, ни язык у него не заплетались. Я же, по части выпить-закусить несколько переусердствовав на дармовщинку, что, как известно, просто так не проходит, малость окосел и был из нас троих самый хмельной.

Прежде чем свернуть налево к площади Парадизо, получившей прозвание благодаря знаменитой гостинице, там стоявшей, дон Франсиско обернулся ко мне и обратил мое внимание, что здесь, на Кампо деи Фьори, на том самом месте, где теперь фонтан, двадцать семь лет назад был сожжен на костре доминиканец Джордано Бруно, выданный папе венецианской инквизицией, – и об этом мутном, как выразился Кеведо, персонаже не должно было сожалеть ни одному испанцу, ибо он при жизни зарекомендовал себя упорным и последовательным врагом католической веры и монархии как таковой и длительное время был английским шпионом, внедренным в качестве капеллана во французское посольство в Лондоне. Несмотря на такие доводы, от поведенной истории дрожь проняла меня до самого нутра, потому что всего несколько лет назад в Мадриде я и сам едва не изжарился по милости свирепого падре Боканегра. А чудесным спасением своим был обязан прежде всего бесстрашию и хорошему отношению того же дона Франсиско, не побоявшегося ввязаться в опасную авантюру.

– Я вам более не нужен, – заключил Кеведо, когда мы пошли дальше. – Все идет, как было предначертано: карета с паспортами и деньгами будет ждать завтра утром в час «ангелюса» у ворот Популо и доставит вас в Милан. При карете будет, само собой, кучер и некий... гм... слуга, так скажем. Мне гарантировали, что первый – человек абсолютно надежный. А второй вообще служит в нашем посольстве... В столице Ломбардии получите дальнейшие инструкции и проследуете в Венецию.

– А почему таким кружным путем? – спросил я, все еще не вполне уверенно ворочая языком.

– Милан, наш основной плацдарм в Италии, расположен вблизи Венеции. Именно поэтому губернатор дон Гонсало Фернандес де Кордова и назначен руководить переворотом. Он и сообщит каждому предметно и подробно, кому что надлежит делать.

– А Гуальтерио Малатеста?

И тут заметил, как дон Франсиско покосился на капитана Алатристе. Тот, по своему обыкновению, за ужином был крайне скуп на слова. И сейчас шел молча, ступал, как я уже отметил, твердо, невзирая на выпитое, кутаясь в свой бурый грубошерстный плащ и надвинув широкополую шляпу так, что лицо оставалось в тени.

– Я же в подробности не посвящен, – продолжал поэт. – Знаю только – во всей нашей затее он фигура ключевая и потому окажется в Венеции непременно. А как именно – мне невдомек.

Мы пересекли площадь Парадизо, где двумя факелами освещен был вход в знаменитую гостиницу. В конце короткой улицы четко выделялся против серебристого ночного света исполинский купол собора, который дон Франсиско назвал Сан-Андреа-делла-Валле. Второй по величине после собора Святого Петра. Я взирал на него в восхищенном ошеломлении. За год до этого, когда навигация прекратилась, я уже побывал в Вечном городе, но разве можно сравнить это с нынешней прогулкой – после веселого ужина, да в обществе Кеведо, который прочел о нем гору книг и знал тут каждый камень. Тысячелетний прекрасный Рим поражал воображение, превосходил всякие ожидания. Повсюду на фасадах виднелись надписи на латыни: «Меня построил такой-то император или папа». Люди, правившие здесь на протяжении веков, завещали его грядущим поколениям в сознании собственного своего величия и величия того, что представляли. И я с невольной завистью спросил себя: а что останется от нас, испанцев, тратящих золото и серебро Индий на бесконечные войны вдали от своих границ, на корриды, на празднества и охоты королей и грандов? Что станет с нашей империей, разъедаемой гордыней, нищетой и мздоимством? И припомнил Мадрид – заурядный, ничем не замечательный город, который, хоть там имелись всего лишь единственная площадь Пласа Майор, недостроенный королевский дворец Буэн Ретиро и четыре фонтана, иные мои соотечественники в слепой патриотической спеси провозглашали самым красивым и благоустроенным на свете. И с горечью заключил, что как постранствуешь да посмотришь – иные фанфаронады рассеются дымом и что, наверное, у каждого – тот город и та память, каких он заслуживает.

– Наша встреча в посольстве была, разумеется, не случайна, – сказал вдруг капитан Алатристе.

Сказал – и снова замолчал надолго. До тех пор, пока, добравшись до площади Навона, мы не оказались перед собором Святого Иакова. В лунном свете,

разливавшемся над соседними домами, я заметил улыбку на губах Кеведо.

– И попросили вас, сеньор капитан, и его перед тем сдать оружие – тоже, – объяснил он. – Я рассказал о ваших давнишних отношениях, и посол решил принять меры предосторожности. Нужно было выяснить, как пойдет ваша беседа. Понять, возможно ли примирение, пусть хоть временное, или ваша вражда поставит под угрозу всю нашу затею.

– И вы слышали наш разговор?

– От первого до последнего слова. Железная печка посреди комнаты – это на самом деле хитроумное подслушивающее устройство, так что, находясь этажом выше, вам внимали и ваш покорный слуга, и граф Оньяте, и тот кабальеро, которого вы видели чуть раньше, когда мы заглянули в дверь.

– И кто же он такой?

Поэт, слегка покривившись, ввел нас в курс дела. Тот, кто сопровождал посла, был доверенным лицом кардинала Борха – Диего де Сааведра Фахардо, человек, входящий в покои Ватикана, прекрасный знаток итальянских дел: родом из Мурсии, сорока лет, большой аккуратист и педант, ведавший всеми секретными документами, шифрами и кодами. Одним словом, человек, полезный для службы его величеству. Ибо Рим – это ведь не только средоточие католической дипломатии, но еще возня кардиналов, не остающихся нечувствительными к звону испанского золота, и центр всех религиозных орденов, письменно извещающих своих генералов обо всем, что происходит в мире. Все клавиши инструмента, играющего вселенский концерт, нажимаются здесь.

– Так вот, он ведает всеми невоенными вопросами нашей венецианской затеи, согласует их и упорядочивает. Ему вверены все дипломатические рычаги... Признаюсь, я не люблю его, потому что в Неаполе, когда на герцога Осуну обрушилась опала, он вел себя, скажем так, совсем небезупречно. Однако дело свое знает и успеха добиваться умеет. Вот увидите, чего он стоит.

– Весомая фигура?

– Чрезвычайно весомая... Красноречив, изобретателен, блестяще владеет пером и иностранными языками: свободно говорит, насколько я знаю, по-латыни, по-

итальянски, по-французски и по-немецки... Можно сказать, что он – тайный солдат того войска, которое в кабинетах и канцеляриях вертит ось монархий.

– Шпион, иными словами. Но – в колете тонкого сукна и с ящерицей Сантьяго на груди.

– Нет, не только шпион... Но, если надо, – и шпион.

Я попытался вернуть моих спутников к другому:

– Чушь все это.

Дон Франсиско воззрился на меня с любопытством:

– К чему именно относится просвещенное мнение нашего юного друга?

– К истории с Малатестой. Это же настоящая змея! Доверять ему невозможно.

Поэт добродушным смехом изъявил свое согласие. Потом пожал плечами под черным плащом, взглянул сперва на капитана, который шел молча, будто не обращая на нас никакого внимания, а потом повернул голову ко мне:

– Затея, которая нас заботит, требует разнообразных подходов. И дело нам придется иметь, и ложе делить бог знает с кем...

– Как он мог спастись, если его взяли при покушении на цареубийство? Как?

Патруль – шесть папских стражников с копьями и фонарем – прошел мимо и внимательно оглядел нас, но останавливать не стал: в этом городе привыкли к чужестранцам. Пройдя мимо собора Святого Людовика Французского, мы вступили на широкую длинную улицу. Тут дон Франсиско ответил, что знает эту историю не вполне точно. Ему известно лишь, что Малатеста выдал сообщников и купил себе жизнь сведениями, правдивость коих подтвердили шпионы графа-герцога. Что-то там, связанное с тем, что его родственник, капитан венецианской службы, недоволен своим положением и особенно – жалованьем. Принять участие в этой кадрили должны еще два продажных сенатора и куртизанка с обширными связями.

– И кое-кто из них смог бы сыграть решающую роль в затеваемом перевороте, так что Оливарес, который привык всегда действовать железной рукой и превыше всего ставит интересы государства, счел, что живой итальянец ценней, чемдохлый, и в Венеции от него будет больше проку, нежели в застенке... И вот он здесь. И вы, сеньоры, тоже.

– Он может нас предать, – возразил я.

– Скорее всего, ему это сейчас ни к чему. Да и сомневаюсь я, что Оливарес пощадил бы его, не будь он совершенно уверен, что тот будет вести себя правильно.

– А что будет с ним, когда все кончится? – спросил капитан Алатристе.

Мы как раз пришли в ту минуту на площадь Редонда и остановились у фонтана напротив античного храма, переделанного в собор. Римляне называли его Пантеоном. В свете луны зрелище было удивительно величественное и прекрасное. Но мой бывший хозяин, не пленяясь им, обернулся к Кеведо. Левая рука его под плащом лежала на рукояти шпаги.

– ...все кончится хорошо, хотите вы сказать? – уточнил поэт.

– Или плохо.

Дон Франсиско, казалось, внимательно изучал три наши тени, четко обрисованные на земле.

– Насколько я знаю, он перестанет представлять интерес для начинаний и затей нашего доброго государя. Иными словами, вы с Малатестой сможете наконец свести счеты. И тут уж – кто окажется проворней.

Произнеся, как оракул, эту тираду, он продекламировал, безупречно произнося по-итальянски:

Questa vita terrene e quasi un prato

Che'l serpente tra fiori e l'herba giace[14 - Земная жизнь – как вешняя поляна, где прячется среди цветов змея (ит.) – (XCIX сонет Ф. Петрарки; перевод Е. Солоновича).].

Капитан Алатристе, совсем не проникшись Петrarкой – или кто это был? – по-прежнему стоял недвижно и не сводил глаз с Кеведо:

– Значит ли это, что он лишится покровительства графа-герцога?

Дон Франсиско неопределенно развел руками.

– Для меня все завершилось в этой точке, – сказал он. – Прочего как не знал, так и сейчас не знаю. Но вот что могу вам сказать по секрету, друг мой. Чем бы дело ни кончилось, обещаю: будут, будут у вас и время, и место свести счеты с этим Малатестой. И, думаю, не обману вас, если еще более доверительно скажу, что Оливареса это не беспокоит ни в малейшей степени.

И вы лишь приведете в исполнение отсроченный приговор, – договорил он. – Именем короля... Ну, или почти. Вы понимаете меня?

– Граф-герцог сам сказал так вам?

Повисло молчание. Дон Франсиско, казалось, подыскивает подходящие слова. Он снял шляпу, и луна, посверкивая в стеклах очков, освещала теперь его длинные полуседые волосы и встопорщенные лихие усы, закрученные не без фатовства. Он повел глазами по площади, потом остановил их на мне, подмигнул как сообщнику. Ну, или мне так показалось.

– Вам угодно, сеньор капитан, чтобы я повторил собственные его слова?

– Я был бы вам за это чрезвычайно признателен.

Поэт улыбнулся чуть заметно, краешком губ. И, подражая торжественно-значительному тону графа-герцога Оливареса, произнес:

– По окончании дела при первом же удобном случае, не колеблясь, убейте его как собаку.

III. Железный город

Милан оказал на меня такое же магическое действие, как некогда Бреда, куда я безусым юнцом по пятнадцатому году вступил в рядах Картагенского полка. День был дождливый и хмурый, когда мы с капитаном Алатристе по мосту через реку Версельину вошли в город. Небо грозило бурей, на горизонте уже сверкали зарницы, и невольное почтение, которое внушали в этом мрачном неверном свете высокие черные стены, двойным железным обручем опоясывавшие город, только возрастало при виде громады исполинского замка, приютившего в оны дни великолепный двор Лодовико Сфорцы, прозванного Мавром. В продолжение многих лет военная инженерия одаривала замок лучшими плодами своей изобретательности: куда ни глянь, везде стены, башни, кронверки, рвы, рavelины и бастионы. И если случалось мне в долгой и прихотливо-разнообразной моей жизни испытывать высокомерную гордость за то, что принадлежу к испанской нации, что я – солдат испанской державы, одной половиной мира повелевающей, а другой – внушающей трепет, то именно этот город – памятник нашей военной мощи, вершина нашего надменного могущества – как нельзя лучше тешил это чувство.

Ломбардия – так же как Неаполь, Сардиния и Сицилия – входила в состав нашего католического королевства, которое держало там одиннадцать полков, укомплектованных испанцами, итальянцами, немцами и валлонами. Фламандские неприятности превратили эту провинцию в ключ к Альпам. Морское сообщение на севере Европы было ненадежно, и потому именно там, в Милане, накапливалась наша пехота, чтобы потом, усиленная итальянскими частями – под Бредой я имел случай убедиться, что дерутся они очень даже недурно, – погрузиться в Генуе на корабли, отплыть в мятежные провинции, а там соединиться с войсками австрийского императора, родственника и союзника государя нашего. Эта долгая, трудная, требующая постоянных усилий история обогатила наш язык выражением «поставить копьё во Фландрии». Оттуда, из Милана, основного нашего плацдарма на севере Италии да и всей Европы, войско могло держать под наблюдением швейцарские долины и стратегически важную союзницу Вальтеллину, где большинство жителей были католиками. Оттого и стояли во множестве испанские крепости на ломбардской равнине и на прилегающих к ней землях: наши солдаты заняли Саббионету, Корреджо, Монако и форт Фуэнтес рядом с озером Комо – и это не считая гарнизонов в

Понтремоли, Финале и в окрестностях Тосканы. Такие предосторожности объяснялись постоянной враждебностью соседа – герцога Савойского – и неумемными притязаниями Франции: война с Людовиком XIII и кардиналом Ришелье еще не разразилась, но уже маячила на горизонте, потому что Милан с конца XV века не раз становился полем сражения, и полы в его соборах были покрыты отбитыми в бою французскими знаменами. После долгой и тяжелой борьбы, после победы при Павии, когда взяли в плен короля Франциска I, наши легионы вывели французов с Апеннинского полуострова, но те спали и видели, как бы вернуться. Стальная щеколда Милана не впускала их назад на полуостров, обеспечивая как спокойствие Неаполя и Сицилии, так и послушание Генуи, ее портов и ее банкиров. Потом, когда мы изнеможем и война с целым светом поставит нас на колени, Франция, которой семьдесят лет и духа не было в пределах Италии, сумеет все-таки вклиниться в нее и занять крепость Пиньероло. И наступят для нас печальные времена поражений и бедствий, и придет конец нашему господству в Европе. Фландрия, война с французами, возмущение в Каталонии и отложение Португалии истощат наше золото, а нас самих обессилят и обескровят – и вот, наконец, при Рокруа и в других печальной памяти сражениях мы, немногочисленные и смертельно усталые, сложим голову на шпагу неприятеля.

Однако в двадцать седьмом году моего века, когда происходили описываемые мною события, далеко еще было до того последнего поля, где среди трупов солдат, сохранивших верность, встанет каре, над которым мне самому доведется вздымать старое знамя с андреевским крестом. Милан, истинная кузница Вулкана, соперничавший с Толедо в выделывании всякого рода оружия, пока еще оставался для нас превосходным плацдармом, а наши полки, как и прежде, наводили страх на всю Европу. И внушительного вида миланский замок служил едва ли не символом тогдашней нашей мощи. В этом городе, как и повсюду, мы, испанские солдаты, свысока глядели на Италию и на весь остальной мир. И в самой бедности своей обретая повод для надменности, в горделивом осознании того, что внушаем ужас, мы, рьяные католики и отъявленные суеверы, обвешанные ладанками, скапуляриями, четками и печатными образками, неизменно держались наособицу и считали себя выше любого иностранного монарха, да и самого папы римского. И это только усиливало опасливую неприязнь со стороны остальных наций, ибо не в пример всем прочим, которые в чужих краях умяются и покорно следуют местным обычаям, мы лишь сильнее надувались спесью, еще пуще бахвалились, бесчинствовали, беспутствовали и вслед за Кальдероном могли бы сказать о себе так:

Задорный и задиристый народ,
Такой-сякой, а также разный-всякий,
Всегда и всюду он охоч до драки,
Пусть даже и сомнителен исход.

Надобно сказать, что по прибытии в Милан, едва лишь мы внесли в замок свои дорожные мешки, ожидал нас с капитаном большой и приятный сюрприз. Мы простились с кучером и посольским, сопровождавшим нас от самого Рима. Назвали наши имена у наружной караульной будки, пересекли подъемный мост, который вкупе со рвом и передним, расположенным меж двух башен бастионом «Сантьяго» оберегал замок. И тут из кордегардии – при шпаге и шляпе, в высоких сапогах с отворотами, с красной перевязью поперек кожаного колета – вышел и, лучась улыбкой под негустыми, но все же способными придать лицу известную солидность усиками, устремился к нам навстречу юный прапорщик. Мы с капитаном смотрели на него и глазам своим не верили. Не в обычае было, чтоб офицер расточал улыбки двум вымокшим и перепачканным грязью солдатам, но он тем не менее улыбался и одновременно распахивал нам гостеприимные объятия, восклицая:

– Вовремя прибыли, господа! Через полчаса сыграют «на ужин».

Наконец, когда нас отделяло от него шага четыре, мы узнали в нем Лопито де Вегу. И сколь ни радостно нам было лицезреть его, поистине райской музыкой прозвучали для нас эти слова, ибо мы с капитаном маковой росинки во рту не держали с прошлого вечера, когда перепрягали лошадей на почтовой станции вблизи Павии. Так что мы поспешили заключить нашего милого прапорщика в объятия, не обращая внимания на тот ущерб, что долгий путь из Рима, дождь и скверные дороги причинили нашему платью. А он со всем радушием повел нас через плац к жилым помещениям, сиречь казармам, где, по его словам, приказано было отвести нам отдельную комнату возле часовни. Правда, без окон, прибавил он, и немного сыроватую, потому что расположена у самого рва, но вполне пригодную для житья. Лопито дождался, пока мы разложим свой скарб и, входя во всякую мелочь нашего обустройства, велел принести два прекрасных тюфяка и пару одеял. Между делом сообщил, что три дня назад из Генуи прибыли и остальные наши сотоварищи – Себастьян Копонс, бискаец Зенаррузабейтия, андалусцы Пимьента и Хакета, каталанец Куартанет и Гурриато-мавр. Всех разместили неподалеку от нас, приказав держаться от

гарнизонных подальше и не вступать с ними в разговоры. Приказ относился в равной мере и к нам, и потому Лопито поручили следить, чтобы мы ни в чем не терпели недостатка. Клянусь богом, наш прапорщик расстарался на славу: так что когда пропел горн и с кухни нам принесли большую оплетенную бутылку вина (скорее басурманского, нежели христианского), полковриги белого хлеба и огромный чугунок фасоли со свиным салом и свиными ушами, без зазрения совести уведенный с офицерского стола, я с ложкой в руке от благодарности чуть не прослезился, а капитан Алатристе молча, но зверски встопорщил усы.

Я уплетал, что называется, за обе щеки, глотал, не жуя, успевая еще и рассматривать Лопито и отмечая, как сильно переменялся сын Испанского Феникса с того уже далекого теперь дня, когда он скрестил шпаги с моим бывшим хозяином: впрочем, обмен ударами не помешал искренней дружбе, вскоре после того завязавшейся меж ними, и тогда капитан Алатристе и я, при живейшем содействии дона Франсиско де Кеведо и капитана Контрераса, помогли ему умыкнуть Лауру Москатель и обвенчаться с нею. Раннее вдовство и превратности воинской службы, пятилетие которой он как раз мог бы отметить в те миланские дни (а вступил он в нее в пятнадцать лет), несколько утишили беспокойный нрав юного Лопито, а его самого – остепенили.

– Ну и как здесь идут дела?

Лопито, и себе не забывший налить стакан вина, отвечал с той неопределенностью, что отличает хорошего терпеливого солдата. Как всегда, мол. Ни шатко ни валко. Зависят от того, что творится по ту сторону Альп. Войска императора Фердинанда продолжают побеждать на севере Германии – и не в последнюю очередь благодаря действенной поддержке испанцев. После сокрушительных поражений под Тили и Валленштейном датский король пребывает в самом плачевном положении, и по Милану ходят упорные слухи, что в скором времени он подпишет мир с Австрией. И тогда испанские полки смогут наконец обрушиться на мятежных голландцев.

– А что шведы? – осведомился я. – Двинулись?

– Двинутся, куда денутся. Никаких сомнений, что со дня на день вступят в войну – разумеется, на стороне протестантов. А король Густав Адольф – серьезный противник.

– Печальная картина, – высказался Алатристе. – Не много ли цыпляток на одно зернышко?

Лопито засмеялся сравнению. Потом пожал плечами:

– Цыпляток еще прибавится, когда Ришелье овладеет наконец Ла-Рошелю и у него будут развязаны руки... Мы только что узнали, что город взят в правильную осаду... Дело может затянуться на несколько месяцев, но результат предрешен. Французы по-прежнему одним глазом смотрят на Ломбардию, а другим – на Вальтелину.

– Однако двадцать лет назад наши полки стояли у ворот Парижа, – возразил я.

– И где теперь те полки? – сказал капитан, не отрываясь от еды. – Не там ли, где прошлогодний снег?

Ему ли было того не знать? Он ведь и сам воевал в тамошних местах, штурмовал Кале, брал и грабил Амьен, и было это во времена эрцгерцога Карла и короля Генриха IV, прозванного Беарнцем. Лопито высказал полнейшее согласие с тем, что с той поры все переменилось. И боюсь, прибавил он, что очень скоро враги наши умножатся.

– Испания – одна против всех, как всегда. Ни вы, господа, ни я без работы не останемся.

Я рассмеялся так, как подобает человеку закаленному, умудренному опытом фламандских траншей и неаполитанских галер:

– Зато останемся без денег. Опять же как всегда.

Лопито не сводил с нас пытливого взора. Ясно было, что ему до смерти хочется узнать, зачем мы здесь и что все это значит, но, как настоящий друг, он боялся быть навязчивым.

– Я не осведомлен, с какой целью и куда вы направляетесь, – не выдержал он наконец. – И мне запретили лезть к вам с расспросами... Но, судя по тому, как идет подготовка и сколько предосторожностей, дело затевается нешуточное...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/arturo-peres-reverte/most-ubiyc/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

La serenissima – официальный титул Венецианской Республики (ит.).

2

То есть из поэмы Сервантеса «Путешествия на Парнас» (1614).

3

Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, стихотворения в переводе А. Богдановского.

4

Вальтеллина – долина в Италии на севере Ломбардии, на границе со Швейцарией, у подножия Бернинских Альп.

5

Асумбре (azumbre, исп.) – мера емкости, равная приблизительно 2,6 л.

6

Испанская королева Изабелла Бурбон, старшая дочь Генриха IV (Наваррского), была родом из Беарна.

7

Таско-де-Аларкон – город в Мексике.

8

© Корконосенко К., перевод, 2014.

9

Мавзолей, построенный в 18–12 году до н. э. для Гая Цестия Эпулона, магистрата и члена одной из четырех великих римских жреческих коллегий.

10

© Винокуров Н., перевод, 2014.

11

Виднейший в Риме законоучитель (ит.).

12

Дворец распространения веры – штаб-квартира ордена иезуитов.

13

© Андреев В., перевод, 2014.

Земная жизнь – как вешняя поляна, где прячется среди цветов змея (ит.) – (XCIX сонет Ф. Петрарки; перевод Е. Солоновича).

Купить: <https://telnovel.me/ru/arturo-peres-reverte/most-ubiyc-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)